

INSPIRIA

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

РОМАН

о роковой ошибке

НОЧЬ, КОГДА
ОНА ИСЧЕЗЛА

18+

INSPIRIA

Ток. Триллеры Лайзы Джуэлл

Лайза Джуэлл

Ночь, когда она исчезла

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Джуэлл Л.

Ночь, когда она исчезла / Л. Джуэлл — «Эксмо», 2021 — (Ток.
Триллеры Лайзы Джуэлл)

ISBN 978-5-04-170601-2

Новинка от одной из самых популярных авторов Великобритании. Таллула и Зак отправляются на свидание. Они совсем юные, но у них уже есть маленький ребенок. У пары не все гладко в отношениях, но, кажется, Зак по-настоящему влюблен в Таллулу. А что чувствует она? Последний раз их видят направляющимися на вечеринку в особняк, который прозвали «Темным местом». На следующее утро мать Таллулы, оставшаяся с годовалым внуком одна, безуспешно ищет дочь. Проходит пара лет. Автор детективов Софи Бек только что переехала из Лондона в провинцию вместе со своим парнем Шоном, который является новым директором местной элитной школы. Софи заинтересована печальной историей исчезновения Таллулы и Зака. Но когда ей удастся обнаружить тревожные подсказки о том, что же произошло на самом деле с молодыми влюбленными (такими уж влюбленным?), Софи оказывается втянута в очень мрачную историю. «Никому не удаются подобные истории лучше, чем Лайзе Джуэлл». — Ли Чайлд, автор бестселлеров «Захватывающе, увлекательно. В конце — до слез». — The Guardian

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-170601-2

© Джуэлл Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Арахнофобия	7
Часть первая	8
– 1 –	8
– 2 –	11
– 3 –	15
– 4 –	19
– 5 –	21
– 6 –	23
– 7 –	29
– 8 –	31
– 9 –	33
– 10 –	38
– 11 –	41
– 12 –	47
– 13 –	50
– 14 –	53
– 15 –	56
– 16 –	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лайза Джуэлл

Ночь, когда она исчезла

Книга посвящается моему отцу

Lisa Jewell

THE NIGHT SHE DISAPPEARED

Copyright © Lisa Jewell, 2021

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Арахнофобия

Арахнофобия. Одно из тех слов, что звучат так же мерзко, как и то, что они означают. Жесткое «рах» во втором слоге, оно как будто наглядно рисует жуткие изгибы мохнатых паучьих лап. Мягкое «фо», как противная волна тошноты, пробегающая в желудке при внезапном движении по стене или полу. Громкое «но» в самой середине слова, звук вашего мозга, кричащего от омерзения.

Таллула страдает арахнофобией.

Таллула в темноте.

Часть первая

– 1 –

Июнь 2017 года

Ребенок начинает хныкать. Ким все так же неподвижно сидит в кресле и задерживает дыхание. У нее ушел почти весь вечер на то, чтобы уложить малыша спать. Сегодня пятница, знойный вечер середины лета, и обычно в это время она бы зависала где-нибудь с друзьями. Одиннадцать часов: она сидела бы в пабе с последней кружкой пива, перед тем как пойти домой. Но сегодня она в спортивных штанах-джоггерах и футболке. Темные волосы собраны в пучок, контактные линзы сняты, на носу очки, а на кофейном столике стакан теплого вина, который она налила себе раньше, но так и не успела выпить.

Она пультом уменьшает на телевизоре громкость и снова прислушивается. Да, это они, самые ранние признаки плача, этакое сухое зловещее кряхтение.

Ким никогда особо не любила младенцев. Нет, ей нравились ее собственные дети, но их ранние годы стали слишком жестоким испытанием для ее нервов. С той самой первой ночи, когда оба ее ребенка, не пробуждаясь, спали до утра, Ким очень высоко – возможно, чересчур высоко – ценила непрерывный сон. Обоих своих детей она родила молодой, и у нее было достаточно времени и места в сердце для еще одного или двух. Но перспектива бессонных ночей поставила на них жирный крест. Все эти годы она всячески оберегала свой сон – с помощью масок для глаз, берушей, спреев для подушек и огромных ванн с мелатонином, которые подруга привозила для нее из Штатов.

А потом, чуть более года назад, ее дочь-подросток, Таллула, родила ребенка.

И вот теперь в свои тридцать девять лет Ким уже бабушка, и в ее доме вновь появился плачущий ребенок, появился слишком скоро, чересчур скоро после того, как ее собственные дети перестали плакать по ночам. И хотя это произошло лет за десять до того, как она была бы к этому готова, рождение внука стало благословением, ежедневным благословением.

Его зовут Ной, и у него темные волосики, как и у самой Ким, как и у обоих ее детей. (Ким всегда нравились только дети с темными волосами; светловолосые младенцы ее пугают.) Цвет его глаз в зависимости от освещения колеблется между ореховым и янтарным; у него крепкие ножки и крепкие ручки с пухлыми валиками жирка на запястьях. Он улыбчив и смешлив, и он радостно развлекает себя сам, иногда целых полчаса подряд. Когда Таллула уезжает в колледж, Ким присматривает за ним и порой впадает в панику, внезапно осознав, что в течение нескольких минут не слышит от него ни звука. Тогда она бросается к его стульчику, к качелькам или к углу дивана, чтобы проверить, жив ли он, и обычно находит его в глубокой задумчивости, пока он переворачивает страницы матерчатой книжки.

Ной – замечательный ребенок. Но он не любит спать, и Ким это слегка раздражает. В настоящее время Таллула и Ной живут здесь, у Ким, вместе с отцом Ноя, Заком. Ной спит между ними на двуспальной кровати Таллулы, а Ким надевает беруши и воспроизводит на своем смартфоне какой-нибудь белый шум и обычно избавляет себя от ночной какофонии бессонницы Ноя.

Но сегодня Зак пригласил Таллулу на то, что он назвал «свиданием», что, согласитесь, звучит довольно старомодно для пары девятнадцатилетних подростков. Они пошли в тот самый паб, в котором она сама сидела бы сегодня вечером. Когда они уходили, Ким сунула Заку двадцатифунтовую купюру и велела им от души повеселиться. С тех пор как родился Ной, это первый раз, когда они ушли из дома вместе как пара.

Они расстались, когда Таллула была беременна, и вновь сошлись около полугода назад, когда Зак пообещал стать лучшим отцом на свете. И до сих пор он держит свое слово.

Теперь Ной плачет по-настоящему. Ким вздыхает и встает. При этом ее телефон гудит – пришло текстовое сообщение. Она нажимает на экран и читает.

Мам, тут народ из колледжа, они пригласили нас к себе. Всего на часик или около того. Ты не против? ☺

Затем, пока она печатает ответ, сразу же следует новое сообщение.

Как там Ной?

Ной в порядке, набирает она. Золото, а не ребенок. Иди и повеселись. Можешь не торопиться. Люблю тебя.

Ким идет наверх, к кровати Ноя. Ей становится тяжело на сердце при мысли о том, что ей еще час качать его, успокаивать, вздыхать и шептать в темноте, пока луна висит там, в теплом летнем небе, на котором все еще заметны бледные пятна дневного света, пока дом скрипит пустотой, а другие люди сидят в пабах.

Но когда она подходит к внуку, лунный свет ловит изгиб его щеки, и она видит, как его глаза вспыхивают при виде нее. Она слышит, как у него перехватывает дыхание оттого, что кто-то подошел к нему; видит, как он тянет к ней ручки.

Она берет его на руки, прижимает к груди и воркует:

– Что не так, маленький, что не так? – И ее сердце внезапно расширяется и вновь сжимается от осознания того, что этот мальчик – часть нее и что он ее любит, что он не ищет свою мать, а доволен тем, что бабушка подошла к нему в темноте ночи, чтобы его успокоить.

Она несет Ноя в гостиную и усаживает к себе на колени.

Она дает ему поиграть с пультом. Малыш обожает нажимать кнопки, но Ким видит, что он слишком устал и хочет спать. Она чувствует на себе его тяжесть и понимает, что должна положить его обратно в кровать, обеспечить ему крепкий сон, хорошие привычки и все такое прочее, но теперь она тоже устала, ее веки отяжелели, стали свинцовыми. Она просто натягивает покрывало с дивана себе на колени, поправляет подушку за головой, и они с Ноем тихо погружаются в мирный сон.

Через несколько часов Ким внезапно просыпается. Короткая летняя ночь почти закончилась, и небо за окном гостинной переливается первыми лучами жаркого утреннего солнца. Она выпрямляет затекшую шею, и все мышцы тотчас как будто кричат на нее. Ной все еще крепко спит, и она осторожно сдвигает его, чтобы дотянуться до телефона. Сейчас четыре двадцать утра.

Ким чувствует легкий приступ раздражения. Она знает, что разрешила Таллуле не торопиться домой, но это безумие. Она набирает номер Таллулы. Звонок тотчас идет на голосовую почту, поэтому она набирает номер Зака. И вновь звонок переадресован на голосовую почту.

Что, если, думает она, они пришли ночью и, увидев Ноя спящим на ней, решили ее не будить, а устроиться в постели вдвоем? Она представляет, как они смотрят на нее из-за двери в гостиную, как снимают обувь, как поднимаются на цыпочках по лестнице и, обнимаясь и обмениваясь игривыми пьяными поцелуями, прыгают в пустую кровать.

Прижимая Ноя к себе, Ким медленно и осторожно встает с дивана. Она поднимается по лестнице и идет к двери комнаты Таллулы. Та распахнута настежь, какой она оставила ее в одиннадцать вечера накануне, когда пришла забрать Ноя. Она осторожно опускает малыша в кровать, и он каким-то чудом не шевелится. Затем она садится на край кровати Таллулы и снова звонит дочери.

И вновь звонок отправляется прямо на голосовую почту. Она звонит Заку. То же самое. Она продолжает эту игру в пинг-понг еще час. Солнце уже полностью встало. Сейчас утро, но звонить кому-то еще рано. И Ким делает себе кофе и отрезает кусок фермерского хлеба,

который всегда покупает для Таллулы на выходные. Она ест хлеб с маслом и медом, купленным у пчеловода, который продает его из своей парадной двери, и ждет. Ждет начала дня.

– 2 –

Август 2018 года

– Мистер Грей! Добро пожаловать!

Софи видит седовласого мужчину. Он идет к ним по обшитому деревянными панелями коридору. Их все еще разделяют десять футов, но он уже протягивает руку.

Подойдя к Шону, он тепло берет его руку в обе свои, как будто Шон маленький ребенок, у которого замерзли руки, и он хочет их ему согреть.

Затем он поворачивается к Софи.

– Миссис Грей! – говорит он. – Так приятно наконец встретиться с вами!

– Вообще-то мисс Бек, – говорит Софи.

– Ах да, конечно. Как глупо с моей стороны. Я это знал. Мисс Бек. Питер Дуди. Исполнительный глава.

Питер Дуди лучезарно улыбается ей. Его зубы неестественно белые для мужчины шестидесяти лет.

– Я слышал, вы писательница?

Софи кивает.

– Какие книги вы пишете?

– Детективные романы, – отвечает она.

– Детективные романы! Так, так, так! Я уверен, что здесь, в Мейпол-Хаусе, вы найдете много того, что вас вдохновит. Тут у нас не соскучишься. Только не забудьте сменить имена! – Он громко смеется над собственной шуткой. – Кстати, где вы припарковались? – спрашивает он Шона, указывая на подъездную дорожку за огромным дверным проемом.

– О, вон там, рядом с вами, – отвечает Шон. – Надеюсь, вы не против?

– Идеально, просто идеально, – говорит Питер Дуди и смотрит через плечо Шона. – А где малыши?

– С их матерью. В Лондоне.

– О да, конечно.

Софи и Шон следуют за Питером Дуди, катя свои чемоданы по одному из трех длинных коридоров, отходящих от главного коридора. Они проходят через двойные двери в стеклянный переход, соединяющий старый дом с современным корпусом, а затем выкатывают чемоданы через дверь в задней части современного корпуса и по изогнутой дорожке идут к небольшому коттеджу в викторианском стиле.

Он примыкает к лесу и окружен кольцом розовых кустов, которые в конце лета все еще в полном цвету.

Питер достает из кармана связку ключей и снимает пару ключей на медном кольце. Софи уже видела этот коттедж, но только как дом предыдущего директора школы, заставленный его мебелью и вещами, полный собак и фотографий. Питер отмыкает дверь, и они следуют за ним в вымощенный камнем задний коридор. Резиновые сапоги исчезли, на крючках висят водоотталкивающие куртки и собачьи поводки. Здесь пахнет бензином и дымом, а из щелей между половицами тянет холодным сквозняком, отчего даже в этот долгий жаркий летний день в коттедже зябко, словно зимой.

Школа Мейпол-Хаус расположена в живописной деревушке Апфилд-Коммон среди холмов Суррея. Когда-то это был особняк местного аристократа, но двадцать лет назад его приобрела компания «Маджента», владеющая школами и колледжами по всему миру, и превратила его в частную школу-интернат для шестнадцати- и девятнадцатилетних подростков, заваливших с первой попытки экзамены за курс неполной и полной средней школы. Так что да, по сути, школа для неудачников. И теперь Шон, бойфренд Софи, стал ее новым директором.

– Вот! – Питер вручает Шону ключи. – В вашем полном распоряжении. Когда придут остальные ваши вещи?

– В три часа, – отвечает Шон.

Питер проверяет время на своих Apple Watch.

– Что ж, похоже, у вас масса времени для обеда в пабе, – говорит он. – Я угощаю!

– Спасибо. – Шон смотрит на Софи. – Вообще-то мы захватили с собой ланч. – Он показывает на холщовый мешок на полу у своих ног. – Но все равно спасибо.

Питер кажется невозмутимым.

– На всякий случай, местный паб великолепен. Он называется «Лебедь и утки». По ту сторону деревенского луга. Посетителям предлагают что-то вроде средиземноморской кухни, мезе, тапас. А тушеный кальмар у них – просто объеденье. И превосходный винный погреб. Тамшний менеджер сделает вам скидку, если вы скажете ему, кто вы такие.

Он снова смотрит на часы.

– Ладно. Не буду мешать вам устраиваться. Все коды для замков здесь. Этот вам понадобится, чтобы впустить фургон, когда тот подъедет, а этот для входной двери. Ваша карта открывает все внутренние двери, – он протягивает им обоим по плоскому шнуру с карточкой. – Я вернусь завтра утром к нашему первому рабочему дню. К вашему сведению, вы можете увидеть вокруг довольно странно одетых людей. Здесь всю неделю проводился летний образовательный лагерь, что-то вроде клуба по интересам. Сегодня последний день, завтра они уезжают, а Керрианна Маллиган, наша сестра-хозяйка... вы ведь, кажется, познакомились с ней на прошлой неделе?

Шон кивает.

– Она присматривает за ними, так что вам не нужно беспокоиться. Думаю, это все. Ах да... – Он подходит к холодильнику и открывает дверцу. – Небольшой подарок для вас от «Мадженты».

В пустом холодильнике стоит одинокая бутылка дешевого шампанского. Он закрывает дверь, сует руки в карманы синих брюк-чинос, тут же снова вынимает их, чтобы пожать им обоим руки.

А потом он уходит, и Шон и Софи впервые остаются одни в своем новом доме. Они смотрят друг на друга, затем по сторонам и снова друг на друга. Софи наклоняется к холщовой сумке и достает два бокала для вина, которые она упаковала сегодня утром, когда они покидали дом Шона в Льюишеме. Она снимает с них папиросную бумагу, ставит на стол, открывает холодильник и достает шампанское.

Затем берет протянутую руку Шона и следует за ним в сад. Сад выходит на запад, и в это время дня здесь тень, но сейчас все еще достаточно тепло, чтобы не носить перчаток. Пока Шон откупоривает шампанское и наливает каждому по бокалу, Софи позволяет взгляду скользнуть по сторонам: деревянная калитка между розовыми кустами, что образуют границу заднего сада, ведет к бархатисто-зеленому лесу. Между деревьями виднеются лужайки, на которые полуденное солнце проливает сквозь кроны лужицы золотого света. Она слышит щебетание птиц в ветвях. Слышит, как в бокалах шипит и пузырится шампанское. Слышит собственное дыхание в легких, биение крови в висках.

Она замечает, что Шон смотрит на нее.

– Спасибо, – говорит он. – Большое спасибо.

– За что?

– Сама знаешь за что. – Он берет ее руки в свои. – Я знаю, скольким ты жертвуешь, чтобы быть здесь со мной. Я тебя не заслуживаю. Честное слово.

– Еще как заслуживаешь. Я ведь «неразборчивая тёлка», или ты забыл?

Они кисло улыбаются друг другу. Это одна из многих неприятных вещей, которые Пиппа, бывшая жена Шона, сказала про Софи, когда впервые узнала о ней. Кроме того, «она выглядит намного старше своих тридцати четырех» и «у нее необычайно плоский зад».

– Кем бы ты ни была, ты самая лучшая. И я люблю тебя. – Он крепко целует ей пальцы, затем отпускает ее руки, чтобы она могла взять свой бокал.

– Красиво, правда? – мечтательно говорит Софи, глядя сквозь заднюю калитку на лес. – Интересно, куда он ведет?

– Понятия не имею, – отвечает он. – Может, тебе стоит прогуляться после ланча?

– Да, – говорит Софи. – Пожалуй, я так и поступлю.

* * *

Шон и Софи вместе всего шесть месяцев. Они познакомились, когда Софи пришла в школу Шона, чтобы рассказать группе старшеклассников про то, как пишут и издают книги.

В знак благодарности он пригласил ее пообедать с ним, и сначала она занервничала, как будто сделала что-то постыдное. Ассоциация между пребыванием наедине со старшим по возрасту учителем-мужчиной и неким непристойным поступком так глубоко укоренилась в ее сознании, что она была бессильна ее преодолеть. Но потом она заметила, что у него очень-очень темно-карие глаза, почти черные, что плечи у него широкие и что у него чудесный теплый, душевный смех, мягкие губы и никакого обручального кольца на пальце. Затем она поняла, что он флиртовал с ней, а через день в электронном почтовом ящике обнаружила письмо от него. Оно было отправлено с его личного адреса электронной почты. В нем он благодарил ее за то, что она пришла в их школу, и спрашивал, не хочет ли она сходить в новый корейский ресторанчик, о котором они болтали за обедом после той встречи со школьниками, например вечером в пятницу. И она подумала: я ни разу не была на свидании с мужчиной за сорок, я ни разу не была на свидании с мужчиной, который носит на работу галстук, и вообще, я не была на свидании целых пять лет, и мне любопытно посмотреть, что это за новый корейский ресторанчик. Так почему бы и нет?

Именно во время их первого свидания Шон сказал ей, что уходит из большой средней школы в Льюишеме, где в конце семестра он был куратором шестого класса, чтобы стать директором в частной школе-интернате для подготовки к сдаче выпускных экзаменов в Суррей-Хиллз. Не потому, что ему хотелось работать в частном секторе, сидеть в кабинете, отделанном панелями красного дерева, а потому, что его бывшая жена Пиппа перевела их близнецов из прекрасной государственной начальной школы, в которой они учились в течение трех лет, в дорогую частную и теперь ожидала, что он внесет половину денег за их обучение.

Сначала последствия такого развития событий не особо задели Софи. Март перетек в апрель, затем в май, в июнь, и они с Шоном сближались все больше и больше, и их жизни начали переплетаться все сильнее и сильнее. Затем Софи познакомилась с близнецами Шона, и они даже позволяли ей укладывать себя спать, читать им сказки и причесывать волосы. А затем наступили летние каникулы, и они с Шоном начали проводить еще больше времени вместе, а затем однажды вечером, когда они сидели за коктейлем на террасе на крыше с видом на Темзу, Шон сказал:

– Поедем со мной. Поедем со мной в Мейпол-Хаус.

Первая реакция Софи была резко отрицательной. Нет, нет, нет, нет, нет. Она привыкла к Лондону. Она независимая женщина. У нее своя карьера, свой круг общения. Ее семья живет в Лондоне. Но июль сменился августом, и отъезд Шона становился все ближе и ближе, и ей начало казаться, что ткань ее жизни как будто растягивается и теряет форму, и она сменила ход своих мыслей. Может, подумала она, жить в деревне не так уж и плохо.

Возможно, она могла бы больше сосредоточиться на работе, не отвлекаясь на соблазны городской жизни. Вдруг ей понравится статус спутницы жизни директора школы, статус первой леди элитного места.

Она отправилась с Шоном посмотреть школу, обошла коттедж, почувствовала под ногами твердость теплой терракотовой плитки, вдохнула, стоя на пороге задней двери, чувственный аромат диких роз, свежескошенной травы и нагретого солнцем жасмина. Заметила пространство под окном в прихожей, как раз подходящего размера для ее письменного стола, с видом на территорию школы. И подумала: «Мне тридцать четыре. Скоро мне исполнится тридцать пять. Я долгое время была одна. Может, мне стоит решиться на эту глупость».

И она сказала «да».

Они с Шоном максимально использовали каждую минуту своих последних нескольких недель в Лондоне. Они сидели на каждой тротуарной террасе Южного Лондона, ели разные непонятные блюда этнической кухни, смотрели фильмы на многоэтажных парковках, бродили по ярмаркам еды, устраивали пикники в парке под звуки хип-хопа, автомобильных сирен и рычания дизельных двигателей.

Они провели десять дней на Майорке в прохладных апартаментах в центре Пальмы с балконом, с видом на пристань для яхт. Они проводили выходные с детьми Шона, брали их на южный берег Темзы, побегать возле фонтанов, пообедать на свежем воздухе в «Жирафе», поесть мексиканской еды в «Вахаке», водили их в галерею современного искусства Тейт и на игровые площадки в Кенсингтон-Гарденс.

А потом она сдала свою однокомнатную квартиру в Нью-Кроссе подруге, отменила абонемент в спортзале, вышла из писательской группы, собиравшейся по вторникам вечером, упаковала несколько коробок с вещами и поехала с Шоном сюда, в глушь. И вот теперь, когда солнце светит сквозь вершины высоких деревьев, брызгая пятнами света на темную ткань ее платья и землю под ногами, Софи начинает ощущать счастье, как будто это решение, принятое из чистого прагматизма, на самом деле могло быть неким магическим актом, следующим шагом ее судьбы. Ей кажется, что им с Шоном предначертано быть здесь, что для нее это будет хорошо, хорошо для них обоих.

Шон переносит грязную посуду в кухню. Она слышит, как открывается кран, слышит стук тарелок, которые он ставит в раковину.

– Хочу прогуляться! – кричит она Шону в открытое окно.

Выходя из сада за домом, она поворачивается, чтобы защелкнуть калитку, и в этот момент ее взгляд падает на что-то прибитое к деревянному забору. Кусок картона, на вид – крышка, оторванная от какой-то коробки.

На нем, рядом со стрелкой, указывающей вниз, на землю, маркером нацарапаны слова «Копать здесь». Она с любопытством пару секунд смотрит на него. Наверное, думает она, это осталось от игры «найди клад» или от упражнения из курса по тимбилдингу, который заканчивается сегодня. Наверное, думает она, это капсула времени.

Но следом в ее голове мелькает что-то еще. Тревожное дежавю. Она уверена, что именно это уже видела раньше: картонную табличку, прибитую гвоздем к забору. Слова «Копать здесь», написанные черным маркером. Направленная вниз стрелка. Она уже видела это раньше.

Но она хоть убей не может вспомнить где.

– 3 –

Июнь 2017 года

Мать Зака старше Ким. Зак – ее младший ребенок; у нее есть еще четверо. Все девочки, все намного старше его. Ее зовут Мэгс. Она открывает Ким дверь. На ней армейские шорты и мешковатый зеленый льняной топ, сдвинутые на макушку солнцезащитные очки, и ее переносица обгорела на солнце.

– Ким? – говорит она. И тотчас поворачивается к Ною и лучезарно улыбается ему. – Привет, мой пухленький ангелок, – говорит она и щекочет его под подбородком, а затем оглядывается на Ким. – У тебя все в порядке?

– Ты видела наших детей? – спрашивает Ким, пересаживая Ноя на другое бедро. Она пришла сюда без коляски. На улице жарко, а Ной тяжелый.

– Ты имеешь в виду Таллулу? И Зака?

– Да. – Она пересаживает Ноя обратно.

– Нет. Они ведь у вас, верно?

– Нет, вчера вечером они пошли в паб. Но их до сих пор нет, и они не отвечают на звонки. Я подумала, вдруг они вернулись к вам и сейчас отсыплются.

– Нет, милочка, нет. Здесь только я и Саймон. Не хочешь войти? Мы сейчас сидим в саду. Мы можем попробовать позвонить им еще разок.

В саду за домом Мэгс Ким опускает Ноя на траву рядом с пластиковой игрушкой, на которую он пытается вскарабкаться. Мэгс достает телефон и набирает номер сына. Муж Мэгс, Саймон, коротко кивает Ким и вновь утыкается носом в газету. У Ким всегда возникало мало-приятное ощущение, что Саймон находит ее привлекательной и что его грубоватое поведение – способ справиться с чувством неловкости.

Мэгс хмурится и нажимает красную кнопку отбоя.

– Сбрасывает сразу на голосовую почту, – поясняет она. – Давай я позвоню Нику.

Ким вопросительно смотрит на нее.

– Это бармен из «Лебедя и уток». Подожди, – синими акриловыми ногтями она стучит по экрану своего телефона. – Ник, дорогуша, это Мэгс. Как дела? Как твоя мама? Хорошо. Я рада. Слушай, ты вчера вечером работал? Ты, случайно, не видел там Зака?

Ким наблюдает за Мэгс. Та то и дело кивает и издает невнятные звуки. Ким вытаскивает из руки Ноя кусок земли как раз в тот момент, когда он собирается засунуть его себе в рот, и терпеливо ждет.

Наконец Мэгс завершает разговор.

– Судя по всему, – сообщает она, – Зак и Таллула после паба пошли домой к кому-то, кого Таллула знает по колледжу.

– Да, я в курсе. Но есть идеи, к кому именно?

– Какая-то Скарлетт. И еще пара человек. Ник подумал, что они уезжают из деревни. Они уехали на машине.

– Скарлетт?

– Да. Ник сказал, что она одна из богатеньких учениц из Мейпол-Хауса.

Ким кивает. Она никогда не слышала ни про какую Скарлетт. Впрочем, Таллула не особо рассказывает ей про колледж. Как только она возвращается домой, Ной – практически единственная тема для разговоров в их доме.

– Что-нибудь еще? – спрашивает она, усаживая Ноя к себе на колени.

– Боюсь, это все, что он знает. – Мэгс улыбается Ною и протягивает к нему руки, но он цепляется за Ким, и та замечает, что улыбка Мэгс гаснет. – Как ты считаешь, нам стоит волноваться?

Ким пожимает плечами.

– Честно говоря, не знаю.

– Ты пробовала звонить подругам Таллулы?

– У меня нет их номеров. Все их номера у нее в телефоне.

Мэгс вздыхает и откидывается на спинку садового кресла.

– Это странно, – говорит она. – Если бы не ребенок, я бы просто предположила, что они где-то отсыплются, ведь они такие молодые, и бог знает, чего только я сама не творила в их возрасте. Но они оба так преданы Нюю, так ведь? Так что все это немного странно...

– Знаю, – Ким кивает. – Согласна.

Ким хотелось бы, чтобы они с Мэгс были ближе, но, похоже, Мэгс никогда не верила в Зака и Таллулу как в пару, а затем, после рождения Нюя, она на некоторое время вообще полностью отстранилась – почти не навещала Нюя, а даже если и навещала, то вела себя как равнодушная тетка. А теперь она упустила свой момент с Нюем, который узнает ее, но не знает, что она близкий ему человек.

– В любом случае, – говорит Ким, – я пойду и поищу информацию про эту девушку, Скарлетт. Вдруг смогу что-нибудь откопать. Хотя, скорее всего, мне это не понадобится. Надеюсь, что к тому времени, как я вернусь, они будут дома просить прощения.

Мэгс улыбается.

– Вот увидишь, – бодро говорит она голосом, тон которого намекает, что на самом деле ей хочется вернуться в сад, чтобы и дальше нежиться на солнышке, что она не желает портить себе настроение. – Так оно и будет.

В комнате Таллулы Ким роется в содержимом ее рюкзака.

Таллула изучает социальную работу, она хочет быть соцработником. Большая часть работ выполняется дома, и в колледж ей нужно ходить всего три раза в неделю. Ким иногда из переднего окна наблюдает за ней, когда она стоит на автобусной остановке: ее девочка, такая свежая, в футболке и джинсах, с тугим конским хвостом, прижимает папку к груди. Никто никогда не догадается, что у нее дома собственный ребенок, ведь она выглядит такой юной.

Ким находит в сумке ежедневник и быстро пролистывает его. Он испещрен плотным, довольно корявым почерком Таллулы – дочь начинала левшой, но в начальной школе, чтобы быть как все, заставила себя переучиться писать правой рукой. Искать номера телефонов нет смысла – их больше никто не записывает, – но, возможно, имя Скарлетт появится в списке класса или в каком-то другом.

И вот он, приклеен и сложен на задней внутренней стороне обложки ежедневника: «Контакты для студентов». Ким быстро просматривает их. Наконец ее палец останавливается на строке: «Скарлетт Жак: Комитет по планированию студенческих мероприятий».

Рядом адрес электронной почты. Ким моментально начинает набирать сообщение:

Скарлетт. Это Ким, мама Таллулы Мюррей. Таллула не пришла домой с тех пор, как вчера вечером ушла из дома, и не отвечает на телефонные звонки, и я подумала: вдруг вы знаете, где она может быть? Ее подружка сказала, что она была с кем-то по имени Скарлетт. Пожалуйста, позвоните мне по этому номеру как можно скорее. Большое спасибо.

Она нажимает на иконку «отправить», шумно выдыхает и кладет телефон себе на колени. Внизу шелкает входная дверь. Сейчас два часа, и это ее сын Райан вернулся домой с работы. Каждую субботу он работает в бакалейной лавке в деревне, копит деньги на большой летний отпуск на Родосе в августе, свой первый отпуск без матери, только с друзьями.

– Они вернулись? – кричит он ей навстречу.

– Нет! – кричит она ему вниз.

Ей слышно, как он роняет на столик ключи, кидает кроссовки в грудку обуви у входной двери, а потом взбегает вверх по лестнице.

– Серьезно? – говорит он. – Они позвонили?

– Нет. Ни слова.

Она рассказывает ему, как Мэгс позвонила Нику в пабе, а девушка позвонила Скарлетт, и пока она говорит, ее телефон звонит с неизвестного ей номера.

– Алло?

– Ой, привет, вы мама Лулы?

– Привет, да, это Ким.

– Привет. Это Скарлетт. Я только что получила ваше письмо.

Сердце Ким сжимается.

– Понятно, – говорит она. – Спасибо, Скарлетт. Я просто хотела спросить...

– Они были у меня дома, – перебивает ее Скарлетт. – И уехали около трех часов утра.

Это все, что я могу вам сказать.

Ким моргает и слегка откидывает голову назад.

– И они... они... скажите, куда они пошли?

– Они сказали, что поедут домой на такси.

Ким не нравится тон голоса Скарлетт – отрывистый и холодный. Так обычно говорят те, кто спит в кровати под балдахин, учится в элитной частной школе, перед чьим домом гравийные подъездные дорожки. А еще он звучит равнодушно, как будто разговор с Ким ниже ее достоинства.

– И с ними все было в порядке? В смысле, они много выпили?

– Думаю, да. Луле стало плохо. И поэтому они ушли.

– Ее рвало?

– Да.

Ким представляет свою хрупкую добрую девочку, как она согнулась пополам над клумбой, и у нее екает сердце.

– А вы их видели? Как они сели в такси?

– Нет. Они просто ушли. Вот и все.

– И... извините, но где вы живете, Скарлетт? Просто чтобы я могла расспросить местные службы такси?

– «Темное место», – отвечает девушка, – возле Апли-Фолд.

– Номер дома?

– Его нет. Только название. «Темное место». Рядом с Апли-Фолд.

– Понятно, – говорит Ким, обводя двумя кружками слова на бумаге, которые она записала. – О'кей. Спасибо. И, пожалуйста, если вы что-нибудь услышите от кого-то из них, дайте мне знать. В смысле, я ведь не знаю, как хорошо вы знаете Таллулу...

– Не очень хорошо, – перебивает ее Скарлетт.

– Понятно, но она не из тех, кто просто исчезает и не возвращается домой. И, кроме того, у нее есть ребенок.

На другом конце линии возникает короткая пауза. А потом:

– Я этого не знала.

Ким слегка качает головой, пытаясь представить, как Зак и Таллула могли провести с этой девушкой всю ночь, ни разу не упомянув Ноя.

– Да-да. Она и Зак – родители. У них есть сын, ему двенадцать месяцев. Так что не вернуться домой – это нечто из ряда вон выходящее.

На том конце линии вновь воцаряется молчание, но затем Скарлетт говорит:

– Да, понятно.

– Позвоните мне, пожалуйста, – просит Ким, – если вдруг что-нибудь услышите.

– Да, – говорит Скарлетт. – Конечно. До свидания.

И она заканчивает разговор.

Ким пару секунд смотрит на свой телефон. Затем смотрит на Райана, который с любопытством наблюдал за их разговором.

- Странно, – говорит Ким и пересказывает сыну подробности звонка.
- Может, съездим туда? – предлагает он. – К ней домой?
- К Скарлетт?
- Ага, – говорит Райан. – Поехали в «Темное место».

– 4 –

Август 2018 года

На следующее утро Шон рано отправляется на работу. Стоя у двери коттеджа, Софи смотрит, как он исчезает в стеклянном переходе, что ведет к главному зданию школы. У двойных дверей он поворачивается, машет ей и уходит.

Территория школы забита людьми – они катят за собой небольшие чемоданы, направляясь к парковке перед школой. Летние курсы окончены, само лето тоже подходит к концу, с завтрашнего дня сюда начнут возвращаться воспитанники интерната. Уборщики ждут в тени, чтобы войти в освободившиеся комнаты и подготовить их к новому семестру.

Софи возвращается в коттедж. Симпатичный домик, функциональный. Воздух внутри влажный и прохладный, маленькие окна заросли плющом и ветвями глицинии, которые пропускают мало света. Здесь по-прежнему пахнет другими людьми, а в коридоре витает странный запах сырого костра, который, похоже, исходит откуда-то снизу, из щели между половицами. Она накрыла половицы дорожкой и поставила на сервант тростниковый диффузор, но запах никуда не делся. Требуется время, чтобы коттедж стал для них родным домом, но так обязательно будет, она это знает. Дети Шона приедут на следующие выходные: это слегка оживит обстановку.

Софи поворачивается к наполовину распакованной коробке, когда в дверь стучат.

– Кто там?

– О, привет! Это Керрианна! Сестра-хозяйка!

Софи открывает дверь и видит перед собой незнакомую женщину. У нее густые золотистые волосы, сдвинутые на макушку солнцезащитные очки, ярко-голубые глаза и загорелое декольте. Платье в пол и сверкающие стразами шлепанцы. Она не похожа на почтенную матрону.

– Привет! – говорит Софи, пожимая ей руку. – Приятно познакомиться!

– Мне тоже. Вы, должно быть, Софи?

– Верно!

У Керрианны в руке огромная связка ключей.

– Как вы устроились? – спрашивает она, перекладывая ключи из одной руки в другую. – Есть все, что вам нужно?

– Да! – отвечает Софи. – Да. Все в порядке. Первый день Шона. Он отправился на работу минут десять назад.

– Да, я только что его видела. Мы поздоровались! В любом случае я хотела бы, чтобы вы записали мой номер на тот случай, если вам вдруг что-то понадобится. Конечно, моя основная функция – забота об удобстве учащихся, но я буду присматривать и за вами. Я знаю, как для вас все должно быть странно и ново, поэтому не стесняйтесь, считайте меня и своей сестрой-хозяйкой. И если вдруг заскучаете по дому и вам понадобится плечо, чтобы поплакать...

Софи моргает, неуверенная, шутит ее гостя или нет, но Керрианна широко улыбается ей и говорит:

– Шучу. Но, честно говоря, если вам что-то нужно – советы по поводу деревни, персонала, детей, чего угодно – не стесняйтесь, просто напишите мне эсэмеску. И я на втором этаже блока Альфа. Это... – она слегка приседает, чтобы заглянуть под нависшее дерево на окраине сада Шона и Софи, – ...это вон то окно. С балконом. Комната номер 205. – Она вручает Софи листок бумаги с ее данными, написанными аккуратным школьным почерком.

– Только вы?

– Большую часть времени да. Моя дочь иногда приезжает погостить к нам, Лекси, она трэвел-блогер и никогда долго не сидит на одном месте. Но в основном да, только я. И я слышала, что время от времени сюда будут приезжать малыши?

– Да. Джек и Лили. Двойняшки. Им семь.

– Понятно. Хороший возраст. В общем, если возникнут вопросы... любые вопросы, не стесняйтесь, задавайте. Я работаю здесь двадцать лет. А в деревне живу почти шестьдесят. Нет ничего такого, чего бы я не знала про деревенскую площадь. Более того, сегодня вечером вы с Шоном непременно должны пропустить со мной стаканчик-другой вина, а я тем временем прожужжу вам уши своими рассказами.

– Да, – говорит Софи. – Не откажусь. Спасибо. – Она собирается поблагодарить сестру-хозяйку еще раз и вернуться в дом, но замечает пару сорок, взлетевших с верхушек деревьев в лесу за ее садом.

– Этот лес... – она машет рукой в его сторону. – Куда он ведет?

– Я бы на вашем месте не заходила в него слишком далеко.

Софи вопросительно смотрит на Керрианну.

– Он тянется на многие мили. Там недолго и заблудиться.

– Да, но ведь он где-то кончается?

– Это смотря в каком направлении пойти. Примерно в полутора милях отсюда есть деревня. – Она указывает налево. – Апли-Фолд. Церковь, сельская ратуша, несколько домов. Довольно красиво. И если пойти прямо, мило или около того, – она указывает вперед, – то упретесь в заднюю часть большого дома. «Темное место», так он называется. Правда, сейчас он стоит пустой. Принадлежит управляющему хедж-фонда с Нормандских островов и его шикарной жене. – Она слегка закатывает глаза. – Их дочка даже какое-то время училась здесь. Скарлетт. Удивительно талантливая девочка. Но лично я не рекомендовала бы пытаться туда попасть. Ученики иногда ходят туда, потому что там есть старый бассейн и теннисный корт, но потом они не могут найти дорогу обратно, а в лесу не ловится сигнал. Однажды мы даже были вынуждены привлечь чертовых полицейских. – Она вновь закатывает глаза.

Софи кивает. Ее охватывает волнение. В Лондоне она отправилась бы за вдохновением в Далвич или Блэкхит, посмотреть на величественные старые дома и представить себе то, что таится внутри. Теперь она думает про свою трость, компас, бутылку с водой и возможность намотать нужное количество шагов, которое отразится в ее фитнес-приложении. Солнце подернуто легкой дымкой, сегодня около двадцати двух градусов, идеальная погода для прогулок. В ее воображении всплывают слова «старый бассейн» и «теннисный корт». Она представляет себе сухость воздуха в нежилом в течение долгого жаркого лета доме, поблекшие, засохшие лужайки, пыльные, потрескавшиеся плиты, птиц, гнездящихся в грязных оконных створках.

Она улыбается Керрианне.

– Постараюсь сопротивляться этим поползновениям, – говорит она.

– 5 –

Сентябрь 2016 года

Скарлетт Жак стоит рядом с Таллулой в очереди в кафетерии. Она высокая, худая как щепка, ее обесцвеченные волосы окрашены в бледно-голубой цвет и собраны на макушке в пучок, кто-то нарисовал на ее скуле крошечную радугу. На ней мужская толстовка с капюшоном и рукавами, доходящими ей до середины пальцев, мешковатые трикотажные шорты и высокие кроссовки. Ее пальцы унизаны тяжелыми кольцами, ногти выкрашены зеленым лаком. Ее взгляд парит над коробками с хлопьями, ее пальцы танцуют по ним и наконец решительно приземляются на коробке хрустящих рисовых хлопьев. Взяв, она ставит их на свой поднос, рядом с картонкой шоколадного соевого молока и яблоком.

Таллула смотрит, как она направляется к кассе. Прихлебатели Скарлетт уже тянутся к ней, идут за ней следом, зная, что всегда найдут место рядом с ней, как только она решит, где сядет. Таллула берет сэндвич с ветчиной и апельсиновый сок и, оплатив, садится за столик недалеко от Скарлетт.

Скарлетт сидит, вытянув длинные ноги, ее огромные высокие кроссовки покоятся на стуле напротив нее, ее голени все еще покрывает шелковистый летний загар. Она открывает коробку с шоколадно-соевым молоком, заливает им рисовые хлопья, наклоняется над миской и ложкой кладет их себе в рот. В какой-то момент она проливает шоколадное молоко на подбородок и вытирает его манжетой толстовки. Она в компании своих закадычных подружек. Таллула не знает их имен. Скарлетт и ее шайка ходили в ее деревне в шикарную частную школу, Мейпол-Хаус. Школа эта имеет репутацию заведения для детей-тугодумов из богатых семей или богатых детей с поведенческими проблемами, богатых детей с СДВГ или богатых детей, у которых были проблемы с наркотиками. Они, визжа тормозами, носятся по деревне в своих шикарных кабриолетах, заваливают в местные пабы со своими фальшивыми документами, громкими голосами и дорогими стрижками. В местном магазине вы сначала услышите их и лишь затем увидите. Они орут друг другу через проходы, жалуясь, что нет свежей моцареллы, и болтают, игнорируя деревенских подростков, обслуживающих кассы, как будто тех вообще здесь нет.

Теперь небольшая их группка по неизвестной причине оказалась в местном колледже в Мэнтоне, соседнем городке. Большинство из них учатся на первом курсе отделения изящных искусств. Пара из них изучает моду. Эти явно из семей, которые ожидали, что их чада поступят в хорошие университеты, а вместо этого попали в Мэнтонский колледж, и потому в них чувствуется некая колючесть.

Таллула кладет руку на живот. Тот все еще дряблый и рыхлый. С момента родов прошло почти три месяца, но такое ощущение, что половина ее внутренностей все еще состоит из ребенка. Она всего неделю назад перестала кормить сына грудью, и из нее все еще временами сочится молоко, и она кладет внутрь бюстгалтера подушечки.

Она включает телефон и смотрит на мордашку Ноя на главном экране. Ее живот сжимается от невыносимой любви и страха. Целых три месяца она и Ной были неразлучны. В свой первый день в колледже на прошлой неделе она впервые оставила его дольше чем на несколько минут. Теперь он от нее в полчасе езды на автобусе, в шести с половиной милях отсюда. Ее руки кажутся невесомыми, зато груди тяжелыми. Она пишет матери:

Все в порядке?

Мать отвечает мгновенно:

Только что вернулись, ходили смотреть на уток. Все хорошо.

За соседним столиком Скарлетт перестала болтать со своей шайкой и уткнулась в телефон, что наводит на мысль, что на самом деле она ни на что не смотрит. Пальцами свободной

руки она катает по подносу яблоко. У нее интересный профиль: шишка на носу, слегка скошенный подбородок. Ее рот – тонкая линия. И все же она по-своему хорошенькая, красивее любой другой девушки в колледже, даже тех, у кого идеальный нос и пухлые губы.

Она поворачивается и видит, что Таллула смотрит на нее. Она прищуривается, затем отворачивается, вновь опускает ноги на пол, берет яблоко, засовывает его в карман толстовки и, не попрощавшись ни с одной из подруг, встает из-за стола. Проходя мимо Таллулы, она вновь щурит глаза, и Таллуле на долю секунды кажется, что по ее лицу мелькает улыбка.

– 6 –

Июнь 2017 года

Ким пристегивает Ноя к автокреслу и дает ему одну из его матерчатых книг. Райан сидит с ним сзади. Ким садится за руль и включает телефон, чтобы ввести адрес в поисковую строку Гугла.

– «Темное место», – говорит она, набирая текст. – Это всего в миле отсюда, интересно, почему я никогда раньше о нем не слышала?

Она вставляет телефон в держатель, нажимает на иконку «пуск» и выезжает из тихого тупичка, где она живет с тех пор, как ей исполнился двадцать один год. Она рассеянно что-то напевает себе под нос. Она не хочет, чтобы ее тревога передалась Нюю, не хочет, чтобы Райан заметил растущий в ней страх.

Они едут по залитым солнцем сельским дорогам, соединяющим Апфилд-Коммон с Мэнтоном, ближайшим большим городом. Прямо перед большой кольцевой развязкой, знаменующей конец деревни, Google велит им повернуть направо, на узкую дорогу. Указатель зарос буддлейей, но Ким может легко разобрать слова «Апли Фолд, ½».

Это однополосная дорога, и она ведет машину осторожно, на случай, если появится встречный автомобиль. Уже почти четыре часа дня, и солнце все еще высоко в небе. Она смотрит в зеркало заднего вида и говорит Райану:

– Не можешь опустить экран со стороны Ноя? Он сидит прямо на солнце.

Райан наклоняется и опускает экран. Ной тычет пальчиком на что-то в своей матерчатой книжке и пытается сказать Райану, что это такое, но он еще не умеет говорить, поэтому Райан просто смотрит на страницу и говорит:

– Да, верно, это поросенок. Хрюша!

Гугл велит Ким свернуть на следующем повороте направо. Она отказывается поверить, что там есть поворот направо, но вот она, грунтовая дорога с полоской луговых трав по центру. Живые изгороди здесь ниже, и Ким видны ослепительно-желтые поля рапса, силуэты коров вдали, скопление сельских домиков.

А затем, еще через несколько минут, перед ней возникает пара металлических ворот, гравийная подъездная дорога, ведущая прямо на юг, название «Темное место» из кованого железа, смутный силуэт увенчанного башенками дома вдали. Ким выключает двигатель и кладет телефон в сумочку.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает Райан.

Ее глаза скользят по воротам в поисках дверного звонка или системы входа, но ничего не находят. Параллельно гравийной дороге тянется пешеходная дорожка. Она достает из багажника коляску Нюю и, отгоняя мошек с лица, раскладывает ее.

– Пойдем, – говорит она Райану, расстегивая застёжки на автокресле Нюю. – Мы идем пешком.

Райан с телефона выходит в Гугл для поиска «Темного места» и, пока они шагают, бегло зачитывает матери информацию со страницы Википедии. Ким рада отвлечься от тягостных мыслей.

– Построен в 1643 году, – сообщает Райан. – Вот это да, 1643 год, – повторяет он. – Но большая часть дома сгорела через несколько лет после постройки. Он пустовал семьдесят лет и получил название «Темное место» из-за обугленного леса, который его окружал. Георгианское крыло было добавлено в 1721 году, а викторианское – в конце 1800-х годов владельцем кофейной плантации по имени Фредерик де Темз. Который... о господи... – он умолкает и прокручивает назад текст, – ...был отцом не менее тридцати восьми детей в Колумбии и семерых детей в Великобритании и умер от испанского гриппа, когда ему был всего сорок один год.

Дом был завещан его последней жене, Каролине де Темз, которой на момент его смерти было всего двадцать и которая в свою очередь завещала его своему сыну Лоуренсу. В 1931 году трое старших детей Фредерика составили заговор с целью убийства Лоуренса, но человек, которого они наняли для этого, попал на угодьях «Темного места» в капкан для лисиц, и его нашли только через шесть дней, когда он был частично съеден лисицами, а вороны выклевывали ему глаза. В кармане пальто лежал письменный приказ об убийстве Лоуренса. Трое братьев, замисливших это преступление, были отправлены за решетку, и Лоуренс жил в этом доме до самой своей смерти в 1998 году. Затем, ввиду отсутствия живых наследников, дом вернулся на рынок недвижимости и в 2002 году был приобретен неизвестным покупателем почти за два миллиона фунтов.

Пока они идут, Ким бросает взгляд то на землю, то на горизонт, то по сторонам, в надежде увидеть какие-нибудь следы дочери. Прежде чем выйти из дома, она позвонила во все три местные службы такси. И везде ей сказали, что прошлой ночью ни одна машина не забирала никого из «Темного места».

Они идут почти десять минут, пока наконец перед ними не возникает дом. Он выглядит именно так, как Ким и ожидала по описанию Райана. Смесь разрозненных архитектурных стилей, почти бесшовно сливающихся воедино в трех его крыльях вокруг центрального внутреннего двора. Солнце сверкает в ромбовидных стеклах свинцовых оконных переплетов в левом крыле и в больших викторианских окнах справа. По идее, все это не должно гармонировать, но выглядит изысканно и красиво.

На подъездной дорожке четыре машины и тележка для гольфа. Даже отсюда Ким слышно, что в бассейне плещутся люди. Райан помогает ей поднять коляску Ноя по ступенькам к входной двери, и она звонит в звонок.

Дверь открывает молодой человек. За ним следует огромный сенбернар и, тяжело дыша, опускается на пол у его ног. Парень обнажен по пояс, в одной руке у него упаковка из шести банок пива, в другой кухонное полотенце.

Он переводит взгляд с Ким на Ноя, затем на Райана и обратно на Ким.

– Привет!

– Привет! Меня зовут Ким. Хочу спросить, Скарлетт здесь? Или ее родители?

– Э-э-э... да. Да, конечно. Секундочку. – Он поворачивается и кричит: – Мам! К тебе пришли!

Позади него Ким видит лестницу из светлого камня, накрытую полосатой дорожкой. Еще видит произведения современного искусства и дизайнерские светильники. Вскоре появляется женщина в свободном белом сарафане и белых шлепанцах. Собака тяжело встает навстречу женщине, которая с любопытством смотрит на Ким через порог.

Парень улыбается Ким и исчезает внутри дома.

– Да? – говорит женщина.

– Извините, что беспокою вас, тем более в субботу.

Женщина смотрит через ее плечо на гравийную щетку и спрашивает:

– Как вы сюда попали?

– Мы припарковались у ворот, а дальше пошли пешком, – отвечает Ким.

– Но это же полмили! Вам следовало позвонить в звонок.

– Мы искали его, но не увидели.

– Ой, да, извините, это датчик движения. Над ним нужно встать. Многие люди его не замечают. Вам следовало позвонить.

– Но у меня не было номера. Вернее, номер у меня был, но я не представляла себе, как далеко от ворот до дома, но в любом случае ничего страшного. Просто... Я ищу свою дочь.

– Так вы мама Мими? – спрашивает женщина. – Думаю, она уехала сегодня утром...

– Нет, – говорит Ким. – Нет. Извините. Я не мама Мими. Я мама Таллулы. Она была здесь вчера вечером?

– Таллулы? – Женщина машинально теребит загривок собаки. На ее среднем пальце широкое обручальное кольцо.

– Лулы, – произносит Ким. Она терпеть не может имя Лула, но друзья дочери всегда сокращали ее полное имя, и со временем она научилась воспринимать это спокойно.

– Нет. – Женщина качает головой. – Нет. О Луле я тоже никогда не слышала. Вы уверены, что она была здесь?

Ким жарко, она взволнована. Там, где она стоит, нет тени, и солнце обжигает ей шею. Она чувствует, как все ее тело исходит горячим потом, и мгновенно злится на эту женщину в накрахмаленном белом сарафане, с недавно причесанными волосами и свежим, ухоженным лицом. В ее отрывистом акценте как будто слышится намек на то, что Ким явно ошиблась местом.

Она кивает и старается говорить вежливо.

– Да. Пару часов назад я разговаривала с вашей дочерью. Она сказала, что Таллула была здесь прошлой ночью со своим парнем Заком и что в три часа ночи они уехали на мини-кэбе. Но я обзвонила все местные службы такси, и ни в одной из них не зарегистрирован вызов с этого адреса или откуда-то поблизости от этого дома. А сейчас почти четыре часа дня, а моя дочь так и не вернулась домой. А это, – она указывает на Ноя в коляске, – сын Таллулы, и она никогда намеренно не бросит его. Просто никогда.

Ее голос начинает опасно дрожать. Чтобы удержаться от слез, она делает глубокий вдох. Женщина выглядит невозмутимой. Похоже, эмоции Ким ни капли ее не трогают.

– Извините, – говорит она после короткой паузы. – Еще раз, как вас зовут?

– Ким. А это Райан. Мой сын. И Ной. Мой внук.

– О боже! – восклицает женщина. – Бабушка! Да вы слишком молоды, чтобы быть бабушкой. Меня зовут Джосс. – Она протягивает Ким руку и говорит: – Тогда пойдемте. Посмотрим, что скажет обо всем этом Скарлетт. Идите за мной.

Она ведет их через двор, и они проходят в высокие кованые ворота в древней кирпичной стене, густо заросшей плющом. Огромный пес тяжело ковыляет позади них. Внутреннее пространство уставлено крошечными белокаменными фигурками на плексигласовых постаментах.

Они следуют за хозяйкой дома по вымощенной плиткой дорожке, вдоль которой выстроились фигурно постриженные растения в синих глазурованных горшках, а затем сворачивают за угол.

Перед ними бассейн.

Он расположен на кремовой мраморной террасе с занавешенной беседкой с одной стороны, в которой стоит огромная кушетка с кремовыми подушками. По всей его длине под разными углами расположены деревянные лежаки с такими же кремовыми подушками в тон.

В центре бассейна, забравшись внутрь огромного ярко-розового надувного фламинго, плавает высокая худая девушка со светло-зелеными волосами и в черном бикини. Она с любопытством смотрит на Ким и ее сопровождающих.

– Ой, – говорит она, когда до нее доходит, кто перед ней.

– Таллула? – произносит Джосс, прикрывая глаза рукой от солнца, играющего слепящими бликами на поверхности бассейна. – Думаю, она была здесь вчера вечером. Есть идеи, куда она делась?

Скарлетт подгребает к краю бассейна, затем слезает с фламинго и поднимается по каменным ступеням. Она оборачивается черным полотенцем и садится за круглый тиковый стол, заставленный белыми свечами в стеклянных банках.

Ким садится напротив нее.

– Я знаю, – начинает она, – вы сказали, что не знаете, куда они пошли. Я знаю, вы сказали, что Таллуле стало плохо и они сели в мини-кэб. Но все таксисты говорят, что никого отсюда не забирали. И мне стало интересно, вдруг произошло что-то еще, что могло бы объяснить, где они находятся.

Скарлетт ковыряет воск на одной из свечей, отказываясь смотреть Ким в глаза.

– Честное слово, – говорит она, – Поверьте, это все, что я знаю.

– И вы видели, как они садились в машину?

– Нет. Я была здесь с Мими. Зак пришел и сказал, что Луле плохо и он собирается отвезти ее домой, что такси уже едет.

– Он так сказал? Что такси уже едет? Или он сказал, что собирается его вызвать?

Скарлетт пожимает плечами. Ким наблюдает, как хрустальные бусинки воды сливаются, падают на ее угловатые плечи и ручейками стекают по ее рукам.

– Я почти уверена, что он сказал, что такси уже едет.

Ким боковым зрением видит стоящего рядом Райана. Она выдвигает ему стул. Он садится и придвигает к себе коляску с Ноем.

– Как вы думаете, есть ли шанс, что Зак пытался вызвать такси, но свободного такси не нашлось, поэтому они пошли пешком?

– Да, – говорит Скарлетт. – Наверное.

Ким поворачивается к брату Скарлетт. Тот сидит на конце лежака напротив бассейна, с банкой пива между коленями.

– Вы были здесь вчера вечером, на вечеринке? – спрашивает она его.

Он в оборонительном жесте вытягивает вперед руку и отвечает:

– Нет. Меня не было. Я вернулся домой только сегодня утром.

Ким вздыхает.

– А если бы они пошли пешком, где бы они оказались?

Скарлетт вновь пожимает плечами.

– Это смотря какой дорогой они пошли. Если бы они пошли по подъездной дорожке, то оказались бы на главной дороге, или в Апли-Фолде, если бы свернули не в ту сторону. Если бы они пошли задней тропинкой, они бы вернулись в Апфилд-Коммон.

– Задней тропинкой?

– Да, – отвечает Скарлетт и неопределенно машет рукой куда-то за спину. – Вон там.

Ким оглядывается через плечо. Ей видны лишь лужайки, клумбы, живые изгороди, гравийные дорожки, изъеденные временем каменные ступени, солнечные часы и беседки.

– Где?

– Там, – говорит Скарлетт. – За домом. Там есть тропинка, которая ведет через лес к дальней части Апфилда. Рядом с Мейполом. Я иногда ходила по ней в школу, когда училась там.

– Как далеко?

– Миля или чуть больше, – вмешивается Джосс. – Но я бы не советовала это делать. Особенно с младенцем. Вы должны хорошо знать дорогу, иначе можно легко заблудиться.

– Таллула знала об этой тропе?

Скарлетт пожимает плечами.

– Вряд ли, – сказала она. – Она ни разу не бывала здесь раньше, поэтому откуда ей это знать?

– А кто еще был здесь прошлой ночью? – продолжает Ким. – Не помните?

– Только мы трое, – отвечает Скарлетт, – и Мими. Лекси Маллиган была здесь перед тем, как они уехали. Она живет в Мейпол-Хаусе. Ее мать там сестра-хозяйка. Вы знаете Керрианну Маллиган?

Ким кивает. Она хорошо знает Керрианну. Все в Апфилде знают Керрианну. Как ее можно не знать?

– Да. Ее дочь. Ей где-то за двадцать. Но она ушла рано. Она была за рулем. И она взяла с собой моего друга Лиама.

– И после этого остались только вы, Таллула, Зак и... Мими?

– Угу.

– А ваши родители?

– Мама была здесь. Она спала. Отец уехал по делам.

Ким поворачивается к Джосс. Та сидит на ступеньках позади нее и прислушивается к разговору.

– У вас ведь есть камеры видеонаблюдения? Где-нибудь на территории?

Джосс кивает.

– Да, повсюду. Но, боюсь, я не имею ни малейшего представления, как ими пользоваться. – Она смотрит на сына. – Рекс? Есть идеи, как посмотреть запись с видеокamer?

Рекс морщит нос.

– Никаких. Знаю только, что в кабинете отца есть что-то вроде главной панели, но я ни разу ею не пользовался.

– Как вы думаете, мы можем попробовать? – спрашивает Ким.

Говоря это, она мгновенно чувствует, как настроение хозяев меняется. До сих пор ее присутствие было для них незначительной помехой, они принимали ее на их собственных условиях. Теперь же она просит их пройти в дом, открыть двери, понять, как работает оборудование.

Она видит, как все трое обмениваются взглядами. Затем Джосс встает, подходит к Ким и говорит:

– Послушайте. Нам незачем всем бродить по кабинету Мартина, я просто попрошу Рекса взглянуть. Пусть он позвонит Мартину и поговорит с ним. У Скарлетт есть ваш номер. Если мы что-то найдем, мы вам позвоним.

У Ким все еще множество вопросов, которые она хочет задать и на которые ей нужны ответы. Она пока не готова уйти.

– Вы сказали, что Таллула ни разу не была здесь раньше? – спрашивает она с ноткой отчаяния в голосе. – А по телефону вы сказали, что вообще не знаете ее. Вы даже не знали, что у нее есть ребенок. Тогда как... я имею в виду, почему она вообще оказалась здесь?

Скарлетт накидывает полотенце на плечи, как мантию, и вытирает уголками уши.

– Иногда мы болтаем, – говорит она, – в колледже. Вчера вечером я увидела ее в пабе, мы немного выпили, и одно повлекло за собой другое.

Ким снова смотрит на нее, долговязую угловатую девушку, с которой иногда болтала ее дочь. Ее взгляд замечает каждую мелочь: то, как ее пирсинг отражает солнечный свет, татуировку на лопатке, идеально покрашенные ногти на ногах. Затем ее взгляд останавливается на черной отметке на стопе Скарлетт. Это маленькая татуировка, всего пара букв, которые она сначала не может разобрать. Затем она понимает, что это значок ТМ, «торговая марка». Скарлетт опускает руку и быстрым и резким движением, словно прихлопывая муху, прикрывает татуировку. Они на миг встречаются взглядами, и Ким замечает, как на лице Скарлетт мелькает что-то колючее и злое.

Она закидывает на плечо сумку.

– Как вы думаете, – спрашивает она, – нельзя ли поговорить с вашей подругой Мими? У вас есть ее номер?

– Она знает не больше, чем я.

– Пожалуйста.

– Я попрошу ее вам позвонить, – говорит Скарлетт.

Через минуту они уже выкатывают коляску Ноя обратно через кованые ворота во внутренний двор. Джосс стоит под беседкой, увитой пассифлорой, со своим гигантским псом, машет им, и когда они идут к подъездной дорожке, Ким слышит плеск ныряющих в прохладную синь бассейна тел и короткий взрыв смеха.

– 7 –

Август 2018 года

Софи выросла в семье, где любят проводить время на природе. Они отправляются в пешие походы, ходят под парусом, катаются на горных лыжах. Ее отец бегаёт марафоны, мать играет в гольф и теннис, оба ее брата работают в спортивной индустрии. Сама Софи когда-то была пловчихой. У нее есть медали, кубки и грамоты. Они хранятся в большом ящике на чердаке в доме ее родителей, и она все еще сохраняет хорошую физическую форму, хотя в последнее время почти не плавает. Когда они все были маленькими и действовали матери на нервы, она надевала на них пальто и, заперев дверь, выставляла в сад за домом. Некоторое время они ныли, а потом находили, чем заняться.

Обычно это включало лазание по очень высоким деревьям и раскачивание на ветках, которые не предназначены для подобных игр. Так что Софи нравится находиться на открытом воздухе. Она уверена в своей способности ориентироваться и в одиночку, без посторонней помощи преодолевать препятствия. И поэтому она отправляется в лес, соответствующе одетая, захватив с собой воду, энергетические батончики, зарядное устройство для мобильного телефона, компас, пластыри, солнцезащитный крем, шляпу и пачку ярко-красных пластиковых конусов-маркеров, которые она может через определенные промежутки ронять на лесную подстилку, чтобы найти дорогу назад.

Деревья в лесу огромны, они почти не пропускают бледно-золотистое августовское солнце. Сделав всего несколько шагов, Софи чувствует, как температура начинает падать. Держа в правой руке компас, она следует по тропинке по стрелке, указывающей ей, куда идти. Минут через двадцать густой лес вновь начинает редеть. Между деревьями появляются проложенные пешеходные тропинки и видны следы присутствия человека – кучки мусора, собачий кал в зеленом пластиковом пакете, свисающий с ветки. Ненадолго поймав телефонный сигнал, она вновь проверяет карту и видит, что вот-вот выйдет на тропинку для верховой езды. Затем пальцами перемещает карту по экрану и видит справа от себя линейное изображение большого здания.

В следующий миг перед ее взглядом появляется башня и флюгер. Затем изгиб древней кирпичной стены и полог из ярко-красного виргинского плюща. Софи протискивается сквозь ряд окружающих стену деревьев и оказывается перед ржавой металлической калиткой, на прутьях которой висит сломанный замок, после чего проходит в калитку и попадает в нечто вроде рощи. Впереди виднеется клочок голубого неба, и вскоре она стоит на неухоженной, выгоревшей на солнце лужайке, которая тянется вниз по широким, поросшим чертополохом каменным ступеням к дому, похожему на нечто из фильмов Тима Бартона.

У Софи перехватывает дыхание. Она даже хватается за горло. Она сбегает по ступенчатым лужайкам к дому и видит перед собой бассейн. Он темно-зеленый, наполовину затянутый рваным брезентом. Вокруг него валяются кучи полусгнивших мертвых листьев, оставшихся с прошлой зимы. Пагода на одном конце бассейна исписана яркими граффити. Терраса между бассейном и домом усыпана пустыми банками из-под пива и окурками, мундштуками для курения травы, пакетами от чипсов и контейнерами из-под еды навынос.

Как можно, недоумевает Софи, бросить такой великолепный дом, как этот, не говоря уже о его рыночной стоимости? Почему о нем не заботятся, даже если в нем никто не живет?

Она обходит дом кругом, пытаясь заглянуть в окна через щели в ставнях. Перед домом – причудливый двор, за ним – длинная, усаженная кипарисами подъездная дорога, которая тянется на целую милю, если не больше. Она поворачивается и смотрит на парадную дверь. Над фрамугой, в темной кирпичной кладке, выгравирована дата – 1721 год.

Воздух здесь густой и тихий, больше ничего не видно. Этот дом существует почти на острове. Интересно, задается вопросом Софи, что там с семьей, которая здесь жила? Где этот управляющий хедж-фондом, где его гламурная жена и их талантливая дочь-подросток? Где они сейчас и что, черт возьми, вынудило их покинуть такое место, чтобы оно зарастало бурьяном?

Софи проверяет время на телефоне. Уже почти полдень. Она останавливается в верхней части сада, чтобы еще раз взглянуть на великолепие дома. Делает снимок, затем кладет телефон в рюкзак и направляется обратно по тропинке в лес.

– 8 –

Октябрь 2016 года

– Зак опять звонил.

Таллула смотрит на мать.

– Около часа назад. Спросил, знаю ли я, где ты, потому что ты не отвечаешь на его звонки.

Она пожимает плечами, направляется к «радионяне» на кухонной стойке, прикладывает к ней ухо и прислушивается к звукам сонного дыхания сына.

– Как долго он спит?

– Минут тридцать пять.

Она смотрит на часы. Сейчас полпятого. Ной проголодается с минуты на минуту. У нее есть небольшой промежуток времени, чтобы переодеться, выпить чашку чая и разобраться с домашними заданиями. Она прочилась в колледже четыре недели, и у нее уже сложился твердый распорядок дня.

– Ты собираешься ему позвонить?

– Кому?

– Заку, – нетерпеливо отвечает мать. – Ты собираешься ему позвонить? Ты не можешь вечно его игнорировать.

Таллула кивает.

– Я знаю, – говорит она. – Я знаю.

Она развязывает шнурки на кроссовках и снимает их. Потом вздыхает. Когда Зак приехал в субботу навестить Ноя, он спросил, как она смотрит на то, чтобы им снова быть вместе. Что странно, потому что, когда она была беременна, ей хотелось одного: снова быть вместе с Заком.

Но теперь она мать, теперь она учится в колледже, теперь она уже не тот человек, что раньше, и тот человек, которым она стала, не хочет ни с кем быть. Ей хочется делить свою постель, свое тело лишь с Ноем.

Они с Заком были вместе почти три года, когда она забеременела. Она сказала ему, что беременна, лишь когда была уже на пятом месяце, и он испугался и заявил, что ему нужно время, чтобы понять, что он думает по этому поводу. И вот теперь он знает, что думает по этому поводу, но Таллула больше не уверена в том, что думает она сама.

– Он ведь хороший парень, – продолжает мать.

– Да. Я знаю. – Таллула пытается скрыть раздражение. Она сейчас всем обязана матери и не хочет показаться неблагодарной. – Я просто не знаю, что ему сказать.

– Ты могла бы так и сказать ему, – предлагает ее мама.

– Да, но вдруг он попытается меня переубедить, а у меня на это просто не хватит сил.

Таллула постоянно валится с ног от усталости. Летом все было хорошо: новорожденный Ной спал большую часть дня, и у нее оставалось достаточно времени, чтобы вздремнуть самой. Но теперь он стал старше и бодрствует и она три раза в неделю по утрам ездит в колледж. Ей нужно делать домашние задания, и дневной сон остался в прошлом.

– Если Зак расплатится или что-то в этом роде, я не выдержу и сдамся. Я это точно знаю.

Мать протягивает ей кружку чая, выдвигает стул и садится напротив.

– Но в чем дело? – начинает она. – В чем ты не уверена?

– Просто я... Я не... – На ее счастье, она избавлена от необходимости подбирать слова, чтобы объяснить то, чего не в силах объяснить... Спасибо кряхтению Ноя, доносящемуся из «радионяни»: ее сын пробуждается от послеобеденного сна. Мать пытается встать, но Таллула хочет сама вынуть своего мальчика с его теплых простыней, взять на руки, прижать его к себе,

к своей груди, ощутить сладкое тепло его дыхания на своей ключице. Она ни с кем не хочет делиться этим блаженством.

– Я сама, – говорит она. – Я сама.

На следующий день утром у Таллулы колледж.

Она выходит из дома, а перед ее глазами запечатлелась сцена: Ной на руках у матери, а Райан в школьной форме разогревает в микроволновке для него молоко. А все потому, что она опаздывает и у нее нет времени сделать это самой. Она стоит на автобусной остановке напротив их тупика. Автобус опаздывает. После всей утренней суеты, когда она даже толком не попрощалась с маленьким сыном, Таллула нетерпеливо вздыхает. Внезапно она чувствует рядом с собой еще чье-то присутствие. Она поворачивается и видит Скарлетт Жак, та скользит к ней по пластмассовой скамейке.

– Я его не пропустила? – спрашивает она, запыхавшись.

До Таллулы ни сразу доходит, что Скарлетт обращается к ней, и потому она не отвечает.

– Будем считать, что нет, – констатирует Скарлетт.

– Извини, – говорит Таллула. – Да. В смысле нет. Ты его не пропустила. Он опаздывает.

– Уф, – говорит Скарлетт, вытаскивая наушники из кармана своего мешковатого плаща, и засовывает их в уши. Затем говорит: – Кажется, я тебя знаю. Ты ведь учишься в Мэнтонском колледже, верно?

Таллула кивает.

Скарлетт тоже кивает и говорит:

– Я тебя видела. Ты на каком отделении?

– Социальная помощь. Первый год.

– А, так ты тоже новенькая?

– Да. Всего несколько недель. А ты? – спрашивает Таллула, хотя прекрасно знает, на каком отделении учится Скарлетт.

– Изобразительное искусство. Первый год.

– Это круто, – говорит Таллула и тотчас жалеет о своих словах.

– Вообще-то это полный отстой. Я хотела поступить в художественную школу в Лондоне, но родители уперлись, и ни в какую. Мол, мне незачем мотаться туда-сюда. И тогда я сказала: ладно, тогда снимите мне квартиру. И они сказали, даже не думай, а потом я получила паршивые оценки по рисунку и живописи, с какими не поступить ни в один приличный колледж. Нет, не потому, что искусство – это не мое, а просто я почти ничего не делала из того, что должна была. И вот результат. Так сказать, история моей жизни. Так что я здесь.

Услышав рокот старомодного зеленого автобуса, который курсирует по этому району, обе поворачивают головы. Ага, вот он, на противоположной стороне деревенского луга.

– Значит, ты здесь живешь? – спрашивает Таллула.

– Нет. Вернее, вроде как да. Примерно в двух милях отсюда. Просто я провела ночь со своим парнем. Он учится в Мейполе. – Она пожимает плечами и смотрит в сторону внушительного старого особняка по ту сторону деревенского луга.

– Тебе можно там спать?

– Нет. Определенно нет. Но у меня с сестрой-хозяйкой «особые» отношения. Она обо- жает меня. И я дружу с ее дочерью, поэтому она закрывает глаза.

Приближается автобус, и они встают. Таллула не знает, что сейчас произойдет. Они сядут вместе? Они продолжат разговор? Но решение принято без нее. Скарлетт видит в задней части автобуса подружку. Она шагает прочь от Таллулы, бросает на сиденье рюкзак, следом плюхается сама. Ее голос звучит громко, едва ли не режет уши, он разносится по проходу к передней части автобуса, где Таллула сидит одна. Но когда Таллула поворачивается, всего лишь один раз, чтобы взглянуть на Скарлетт, она видит, что Скарлетт смотрит прямо на нее.

– 9 –

Июнь 2017 года

Ким раздевается и быстро становится под душ, еще до того, как вода успевает нагреться. Весь этот эпизод в доме Скарлетт заставил ее почувствовать себя грязной и измученной. Она представляет, как мать Скарлетт стоит у входной двери со своей большой пыхтящей собакой и смотрит, как они неуклюже толкают коляску Ноя по гравийной дорожке к воротам.

– Я бы рада вас подвезти, – крикнула она тогда, – но, к сожалению, я уже немного выпила!

К тому времени, когда они вернулись, машина Ким была похожа на раскаленную духовку. Ной устал, проголодался и плакал всю дорогу от подъездной дорожки до парковочного места у дома Ким, после чего сразу уснул. Сейчас Райан сидит с ним в машине. В душе, когда вода течет по ее лицу, Ким ощущает соленый вкус собственного пота.

Каждые несколько секунд она смотрит через щель в занавеске душа на свой телефон. Он рядом, на раковине. Она приставила его к стакану с зубными щетками, чтобы видеть, не пропустила ли она звонок или сообщение. После душа она надевает чистые шорты, свежий бюстгальтер и топ. Все, что было на ней раньше, влажное и провоняло потом. Она бросает грязные вещи в корзину для белья и снова смотрит на свой телефон.

По-прежнему ничего.

Ее нутро снова сжимает страх. Он приходит и уходит волнами. Она сидит на краю кровати и думает про лес за домом Скарлетт. Она пытается представить себе, как Зак и Таллула ждут в темноте такси, но оно так и не приезжает. Спустя некоторое время они сдаются и один из них говорит:

– Этот лес ведет в Апфилд. Можно попробовать пройти через него.

Ночь была теплая. Возможно, это предложение прозвучало даже привлекательно. Возможно, они решили, что свежий воздух поможет Таллуле проветрить голову.

Ким звонит Мэгс.

– Не могла бы ты присмотреть за Ноем, – говорит она, – если я на время оставлю его с тобой? Мне кажется, я знаю, где могут быть Зак и Таллула, и я хочу пойти и посмотреть.

Молчание, затем Мэгс спрашивает:

– Значит, они еще не вернулись?

Ким закрывает глаза. С сыновьями все обстоит иначе, она это знает. И все равно беспечность Мэгс ее расстраивает. Она представляет ее такой, какой видела ее сегодня утром: нежится на солнышке в саду за домом рядом со своим раздражительным мужем – и никаких забот и тревог.

– Нет, – говорит она. – Нет. И ни одна машина из местных таксопарков не забирала их прошлой ночью от дома ее подруги. Поэтому я предполагаю, что они могли заблудиться в лесу за колледжем. Я хочу пойти и посмотреть.

– Понятно, – говорит Мэгс. – Верно. – И тут же добавляет: – Лично мне это кажется маловероятным. Ведь уже почти пять часов. Выходит, они пробыли в этом лесу всю прошлую ночь. Не понимаю, как можно так долго плутать по лесу.

– Может, они попали в аварию? Упали в... Не знаю, в старый колодец или что-то в этом роде. Ладно, как бы там ни было, я сейчас привезу к вам Ноя. До скорого.

Не дожидаясь, что еще ей может сказать Мэгс, она заканчивает разговор.

Ким и Райан два часа рыщут по лесу, но никого не находят. Никаких колодцев. Никаких ям. Никаких капканов. Никаких следов или подсказок. Ничего. Они проходят мимо жилого корпуса на территории школы Мейпол-Хаус, и Ким смотрит на окна.

Она вспоминает слова Скарлетт о том, что дочь Керрианны Маллиган была с ними прошлой ночью. Лекси, так, кажется, ее зовут. Они с Райаном направляются к воротам и нажимают на кнопку с надписью «Комендант общежития». Им отвечает женский голос.

– Алло. Это Керрианна?

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, это Ким Нокс. Я живу по ту сторону луга. Если не ошибаюсь, моя мама ухаживала за вашей мамой, когда та была в Спрингдейле, верно?

– Да, да. Я знаю вас. И я помню вашу маму. Она приносила в комнату моей мамы ямайский имбирный пирог, когда я приезжала к ней на чай. Пола, если не ошибаюсь, так ее звали?

Услышав имя матери, Ким улыбается.

– Да! Верно. А вашу маму звали Ванда?

– Да! Верно. Приятно, что вы ее помните. Как ваши дела? Вы хотите войти?

– Да, спасибо. Со мной сын.

– Прекрасно, – говорит Керрианна. – Второй этаж, комната 205.

В квартире Керрианны пахнет едой, что-то кипит на плите. На угловом диване напротив террасы с видом на лес, который Ким только что прочесала в поисках дочери и ее парня, сидит молодая женщина.

– Входите! – говорит Керрианна. – Входите. Это моя дочь, Лекси, она гостит у меня несколько дней. Лекси, это Ким, она дочь одной из сиделок бабушки в Спрингдейле. Кстати, как там ваша мама? Она?..

Ким качает головой.

– Нет. Она умерла два года назад.

– О, мне печально это слышать. Должно быть, она была еще молода?

– Шестьдесят два, – отвечает Ким.

– О нет! О боже. Ненамного старше меня. Мои соболезнования.

– Спасибо. А ваша мама? Она?..

– Умерла четыре года назад. Но ей было восемьдесят восемь. Так что мне грех жаловаться. Но она любила вашу маму. Любила всей душой.

С минуту они грустно улыбаются друг другу, думая о своих бедных покойных матерях, но затем Керрианна берет себя в руки и говорит:

– Так чем я могу вам помочь?

– Вообще-то, – говорит Ким, – я хотела бы поговорить с Лекси.

При звуке своего имени Лекси оборачивается.

– Что? – спрашивает она.

Лекси – симпатичная молодая женщина с бордовыми волосами. У нее короткая стрижка с тупой челкой, на носу большие очки для чтения в черной оправе. Сама она в узеньких джинсах и искусственно состаренной футболке.

– Вы были в доме Скарлетт прошлой ночью?

– Да! – бодро отвечает она. – Как вы узнали?

– Потому что моя дочь тоже была там. Таллула. И ее парень Зак. Дело в том, что Таллула и Зак не вернулись домой. По всей видимости, они ушли оттуда в три часа ночи. Мы только что были в лесу за домом. – Ким жестом указывает на раздвижную стеклянную дверь. – Я подумала, вдруг они заблудились, возвращаясь, но их там не было. И я знаю, вы ушли рано, но мне просто интересно, вдруг вы что-то заметили. Или что-то знали. Или видели. Потому что я не знаю, что мне думать!

Она пытается не сорваться на крик, пытается сохранить нормальный тон, но как только она приходит к своему выводу, ее голос предательски дрожит и она обнаруживает, что плачет. Керрианна спешит на кухню, чтобы принести ей салфетку. Лекси смотрит на нее с искренним беспокойством.

– О боже, сочувствую. Какой ужас. Представляю, как вы переживаете.

Ким кивает, берет у Керрианны бумажный носовой платок и вытирает им щеки.

– Нет-нет, – говорит она, – я уверена, что ничего страшного не случилось. Я уверена, что они просто... они ведь дети и просто... – Но она умолкает, так как не верит ни одному своему слову. Единственное, в чем у нее нет сомнений, так это в том, что Таллула никогда намеренно не бросит Ноя и что с ней, должно быть, случилось что-то ужасное.

Керрианна ведет Ким и Райана к большому дивану и предлагает им сесть.

– Честно говоря, – начинает Лекси, – мне бы очень хотелось что-то вам рассказать. Но рассказать мне нечего. Я была в пабе «Лебедь и утки» со старой школьной подругой. Там была эта компания, помоложе, лет двадцати, и они были довольно шумными. Я узнала одну из них, Скарлетт. Раньше она здесь училась. Мы с ней были дружны. Я пошла поздороваться, и не успела я сообразить, как меня затащили в их тесную компанию, что было довольно странно, потому что я все же старше их. Плюс я была трезва. В отличие от них.

– И Таллула тоже была с ними?

– Да. Она сидела с парнем... кажется, со своим парнем?

Ким кивает.

– Сначала оба сидели тихо, как будто слегка оробев. Я это заметила. Но потом Скарлетт заказала для всего стола напитки, затем еще раз, по второму кругу, и постепенно все сделались шумными, а затем объявили, что паб закрывается, и кто-то предложил пойти через лес домой к Скарлетт, и я подумала, что они ищут на свою голову приключений. Поэтому предложила отвезти их туда.

– Всех?

– Нет, не всех, только пятерых. Они набились на заднее сиденье, что не совсем законно, но я подумала, что так все равно безопаснее, чем выпивши идти в темноте через лес.

– И что было, когда вы приехали туда?

– Как вы знаете, прошлая ночь была теплой. Возле бассейна горел свет, и они все просто разделлись и прыгнули в воду.

– Включая Таллулу?

– Да. Она прыгнула в топике и джинсах. Она явно стеснялась.

– Да, она все еще не сбросила вес после родов.

– У нее есть ребенок? – Лекси выглядит искренне удивленной.

– Да. Сын. Ной. Ему год.

– Но она на вид такая юная.

– Это правда. – Ким сдерживает очередной приступ рыданий и заставляет себя улыбнуться. – Значит, они все прыгнули в бассейн. И что потом?

– Да... и в этот момент я решила, что за ними нужен надзор. Я это к тому, что мать Скарлетт была где-то внутри, наверно уже спала, и я поняла, что я единственный трезвый человек в их компании, поэтому должна следить за всеми. Я оставалась там примерно до часа ночи.

К тому времени все уже вылезли из бассейна, и там была... – она краем глаза косится на Ким, – ...«травка». Немного водки. Музыка. Но в целом уже не так шумно. Таллула и ее парень вошли в дом. Затем Мими тоже вошла в дом. А я решила вернуться. Этот парень, Лиам, попросился поехать вместе со мной, потому что он работает здесь, в школе. Вот и все.

– Лиам? – осторожно переспрашивает Ким. – Кто такой Лиам?

– Он здесь помощник учителя. Живет в квартире над нами. Он раньше встречался со Скарлетт, но они до сих пор друзья.

– Он... я имею в виду, он не?... – Ким не может подобрать нужные слова.

Лекси качает головой.

– Нет, – говорит она, – нет. Боже, нет, вам не нужно переживать из-за Лиамы. Это самый милый парень в целом мире. Честное слово.

Ким осторожно кивает.

– А было ли прошлой ночью, – осторожно спрашивает она, – что-то такое под поверхностью веселья? Некое ощущение, что происходит что-то нехорошее?

Лекси легонько выпячивает нижнюю губу и медленно качает головой.

– Нет.

– А когда вы уехали, кто все еще оставался там?

– Таллула. Ее парень. Скарлетт и Мими.

– Что ж, – говорит Ким, вставая на ноги. – Большое спасибо, Лекси. Я очень ценю ваше время, и большое вам спасибо за то, что поехали с ними вчера вечером, за то, что опекали их. Пьяные дети в бассейнах. Страшно подумать, чем такое может закончиться.

– Именно, – говорит Лекси. – Потому я и осталась с ними.

– Что ж, спасибо вам. А этот Лиам? Как вы думаете, с ним стоит поговорить? Может, у него есть какие-то идеи?

– Сомневаюсь, – виновато отвечает Лекси. – Он видел не больше, чем я.

Ким смотрит на часы в телефоне. Почти шесть. Она поворачивается к Керрианне.

– Как вы думаете, мне следует позвонить в полицию? – мягко спрашивает она. – Прошло пятнадцать часов. Что бы вы сделали на моем месте?

Керрианна вздыхает.

– Со мной все иначе. В некотором роде я выполняю здесь роль родителя, и если бы вдруг пропал ученик, я бы немедленно сообщила в полицию. Кстати, такое один раз было, и я через несколько часов вызвала поисково-спасательную службу. Но как мать? – Она на миг умолкает. – Не знаю. Ведь Таллула и Зак фактически взрослые люди. Они пили, принимали наркотики, плюс у них есть обязанности, выходящие за рамки обязанностей обычных подростков. У меня возник бы соблазн взглянуть на картину шире. Что, если они просто сбежали? Что, если им в голову внезапно пришла такая безумная идея?

Ким закрывает глаза и пытается взять себя в руки.

– Нет, – говорит она. – Нет. Точно нет.

– А что между ними как парой? Вдруг там что-то было? Может, они поссорились? Может, что-то случилось?

И вот оно, то, что грызло ей голову весь день: маленькая коробочка, которую она нашла в кармане пиджака Зака накануне, когда искала запасные ключи от двери, которые одолжила ему. Коробочка, а в ней кольцо с маленьким бриллиантом в золотой оправе. Она ожидала, что вчера вечером они вернутся из паба помолвленными. Она не знала, что ей думать по этому поводу. Они ведь так молоды, и она не уверена, что Таллула полностью предана Заку.

Но она была к этому готова. Была готова изобразить изумление и восторг, обнять их обоих, сказать, что она безумно рада за них, сфотографировать их вместе и отправить фото отцу Таллулы, разместить на Фейсбуке и все такое прочее. Она была к этому готова. Даже если она считала, что это неправильно. Потому что так принято. Не так ли? Когда у девушки есть ребенок. Когда у нее есть мужчина, который ее любит. Они должны пожениться.

Но затем Ким думает о том, сколько времени потребовалось Таллуле, чтобы согласиться вновь сойтись с Заком после рождения Ноя. Она вспоминает, как Таллула сбрасывает с плеча руку Зака, как иногда закатывает глаза за его спиной. Ким уже несколько недель хотела поговорить с Таллулой, хотела проверить, убедиться, что ее дочь не жалеет, что приняла Зака назад. Но так и не поговорила. А потом они решили вместе выбраться в паб, и Ким увидела в этом знак того, что отношения между ними улучшились. А потом нашла кольцо.

Что, если, думает она, Зак предложил Таллуле руку и сердце, а Таллула сказала «нет»? Потому что Зак хороший парень, но у него вспыльчивый характер. Время от времени она

видела, как он психует, когда смотрит по телевизору спортивные передачи, или что-то роняет, или вдруг ударяется обо что-то, или когда кто-то подрезает его, когда он за рулем.

Мог ли отказ Таллулы выйти за него замуж спровоцировать вспышку гнева? Как он среагировал бы на это?

– 10 –

Август 2018 года

Софи и Шон приходят в квартиру Керрианны в восемь часов вечера с бутылкой холодного вина в руках. В квартире стеклянные раздвижные двери почти во всю ширину гостиной, и они обращены прямо к заходящему солнцу. В комнате жарко и душно. Большой хромированный вентилятор с проводом, вставленным в розетку в стене, дает не слишком большое облегчение.

– Извините, – говорит она Софи и Шону, – в солнечный день здесь очень жарко, зной остается как будто в ловушке. Давайте лучше посидим на балконе, – предлагает она.

На балконе стоит плетеный диван, на столе – чипсы в мисках, бокалы для вина и свеча в кувшине.

Первой садится Софи, за ней Шон. Вид на лес прекрасен. Небо бирюзовое, с коралловыми прожилками, из тени выглядывает бледный полумесяц.

– Какая красота, – говорит Софи. – Совершенно другой мир, не то, что в нашем коттедже.

– Да, коттедж красивый, но вида из него нет. Но опять же, у вас там не жарко.

Керрианна наливает вино в три бокала и поднимает свой, повернувшись к Шону.

– За встречу, – говорит она. – За моего пятого директора! И за вас тоже, Софи, за мою первую любимую вторую половинку директора!

– Мы первая пара, не состоящая в браке? – спрашивает Софи.

– Да, первая.

– Это скандально? – уточняет Софи.

– О боже, нет. Может быть, лет двадцать назад это вызвало бы вопросы и порицание. Но не сейчас. По-моему, сейчас такие вещи никого не волнуют. И кстати, Хасинта Крофт – ваша предшественница, Шон, – приехала сюда замужней женщиной, а уехала одна. Ее муж сделал ноги. Один из тех случаев, мол, «я только выскочу за пинтой молока». Никто так и не узнал почему. В значительной степени из-за этого она и ушла, из-за разразившегося скандала. Так что нет, вам здесь никто не будет перемывать косточки, это я вам обещаю.

Некоторое время они болтают о первом дне Шона на работе, о школе, в которой он преподавал в Льюишеме, о различиях между Лондоном и Сурреем, между двумя школами. Внезапно Керрианна поворачивается к Софи и говорит:

– Питер Дуди сообщил мне, что вы писатель, Софи. Детективные романы, сказал он.

– Да, – улыбается Софи. – Хотя я сомневаюсь, что вы их читали. Они на любителя. Но очень популярны в Скандинавии.

Она смеется тем смехом, каким всегда смеется, когда ей приходится объяснять людям, почему они, вероятно, никогда о ней не слышали.

– Я рассказала о вас своей дочери, – говорит Керрианна. – В нашей семье она главный читатель. Не я. Думаю, она могла даже заказать одну из ваших книг. Еще раз, как они называются?

– Серия называется «Детективное агентство Хизер-Грин». Я пишу под псевдонимом П. Дж. Фокс.

– Кстати, – говорит Керрианна, – если вам нужно вдохновение для ваших книг, могу рассказать вам несколько историй об этом месте. В смысле жутких-прежутких, от которых волосы встают дыбом. Только за прошлый год мы дважды приглашали сюда полицию, и они прочесывали лес в поисках пропавших без вести людей.

Софи вспоминает заброшенный особняк за лесом.

– Вот это да, – говорит она. – И что случилось?

Керрианна смотрит на Шона и говорит:

– Хм. Наверное, это немного бестактно. А может, и нет.

Но она искоса бросает на Софи взгляд, который говорит ей, что еще будет другой раз.

На следующий день Софи встает вместе с Шоном, в шесть часов утра, и они вместе завтракают на открытом воздухе. Сквозь кроны деревьев на скатерть падают золотые лучи еще одного из прекрасных последних августовских дней.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спрашивает Шон, собирая тарелки и столовые приборы и складывая их вместе. – Пойдешь на очередную грандиозную прогулку?

– Нет, – отвечает она. – Не сегодня. Я подумала, что сегодня мне хочется познакомиться с деревней. Может, пообедаю в печально известном пабе «Лебедь и утки».

– Постараюсь составить тебе компанию, – обещает Шон.

– Это было бы мило с твоей стороны.

Шон уходит, а Софи некоторое время распаковывает коробки с вещами. Затем она делает себе еще одну чашку кофе, ставит на кухонный стол ноутбук и отвечает на электронные письма. Через неделю она в роли П. Дж. Фокса летит в Данию, на фестиваль писателей-детективщиков. В ее программу в последнюю минуту внесены некоторые дополнения, в том числе интервью телеканалу, что означает, что перед отлетом ей нужно что-то сделать со своими волосами. Может, стоит на денек съездить в Лондон? Навестить своего стилиста, может, даже пообедать с кем-нибудь, посмотреть, вдруг кто-то из издателей будет рад ее видеть. Такая перспектива мгновенно воодушевляет ее.

Спустя какое-то время она открывает на ноутбуке файл с текстом своей последней книги. Она не просматривала его несколько последних дней. Жизнь была сплошной упаковкой-распаковкой вещей, прощаниями и приветствиями. Ей было просто не до работы. Но теперь безделью нет оправдания.

Хвост последнего абзаца тупо смотрит на нее – нечто такое, что она написала в другом мире, в Лондоне, когда у нее был бойфренд, который преподавал в средней школе в Льюишеме, когда переезд в Суррей был скорее обычной датой в ее ежедневнике, нежели ее реальностью. Она пару секунд смотрит на абзац, затем прокручивает оставшуюся часть главы вверх, пытаясь снова стать «лондонской Софи», но никак не может этого сделать.

Вместо этого она открывает браузер и набирает в поисковой строке слова «Мейпол-Хаус» и «пропавший человек». Затем устанавливает фильтр для новостей и нажимает на первую ссылку в результатах:

«Местные родители-подростки все еще остаются пропавшими без вести после вечеринки в пабе. Жительница Апфилд-Коммон, Ким Нокс, 39 лет, сообщила об исчезновении своей дочери, 19-летней Таллулы Мюррей, и ее парня Зака Аллистера, также 19 лет, которых не видели с раннего утра субботы.

Мюррей и Аллистер, у которых есть годовалый сын, провели предыдущий вечер в пабе «Лебедь и утки», после чего местная знакомая отвезла их в частный дом недалеко от Апли-Фолд, где они до трех часов ночи веселились с друзьями, бывшими учащимися школы Мейпол-Хаус. По словам тех же друзей, они ушли, чтобы поймать до дома такси, однако домой так и не вернулись. Если кто-то располагает информацией об их местонахождении, убедительная просьба связаться с детективами полицейского участка Мэнтон».

Софи чувствует, как по ее спине пробегает холодок. Она щелкает по остальным ссылкам в поисках обновлений, но ничего не может найти, только разные версии одного и того же репортажа, опубликованного в местной газете.

Тогда она гуглит слова «Ким Нокс» и «Апфилд-Коммон». Тотчас появляются несколько ссылок, в том числе пара на деревенский информационный бюллетень под названием «Апфилдская газета». Одна статья в нем посвящена траурным церемониям, проведенным в июне по случаю годовщины исчезновения Таллулы и Зака. К статье прилагается снимок: симпатичная женщина с темными волосами средней длины, в длинном цветастом платье на пуговицах спереди и в черных армейских ботинках, держит за руку очень маленького мальчика, тоже темно-волосого, сжимающего в ручонке розовую розу. Рядом с женщиной стоит мальчик-подросток в темной рубашке и камуфляжных штанах, он очень похож на нее. За ними море лиц, много молодежи.

«Ким Нокс, 40 лет, из Гейбл-Клоуз, Апфилд— Коммон, в субботу вечером провела по деревне процессию с зажженными свечами по случаю первой годовщины исчезновения своей дочери Таллулы Мюррей, которой в марте должно было исполниться 20 лет. Во время церемонии также почтили память Зака Аллистера, партнера Таллулы и отца ее сына, которому в марте также должно было исполниться 20 лет. Шествие началось на деревенской площади и завершилось в часовне Святой Невесты, где хор местной средней школы, в которой Таллула училась до 2016 года, исполнил песни надежды и памяти. Таллула изучала социальную работу в Мэнтонском колледже, но исчезла в июне прошлого года после ночи, проведенной в доме подруги».

Другая ссылка ведет Софи к статье, опубликованной за три месяца до этого, о церемонии посадки розового дерева в день двадцатилетия Таллулы в марте.

«Розовое дерево, австралийская кустовая роза под названием «Таллула», было посажено за автобусной остановкой на деревенской площади, где Ким Нокс из окна наблюдала за своей дочерью, пока та ждала автобус, который должен был отвезти ее в колледж».

Софи отворачивается от экрана. Она представляет себе эту женщину – вот она, отодвинув занавеску, смотрит через улицу в надежде увидеть тень пропавшего ребенка и вместо этого видит розу, и по ее спине пробегает холодок ужаса.

– 11 –

Декабрь 2016 года

Таллула сидит за туалетным столиком матери. У той есть увеличивающее зеркало, а еще такие вещи, как ватные шарики и кисточки для макияжа, которых нет у Таллулы, потому что Таллула не очень любит краситься. По поводу особых случаев она лишь красит ресницы и пользуется тональным кремом, чтобы скрыть мешки под глазами и иногда сыпь на коже, но об остальном не заморачивается. Передние пряди ее темных волос в настоящее время окрашены в размытый темно-синий цвет. Она надеялась, что у нее получится ярко-синий, как у модели на упаковке, но, как и все в ее жизни, все сложилось не так, как она ожидала.

Она открывает косметичку матери, ищет в ней жидкую подводку для глаз, затем проводит тонкой кисточкой по векам, пытаясь подражать идеальным стрелкам, как у всех девочек в колледже. Это полная катастрофа. Она стирает их и начинает снова. В конце концов она берет телефон и пишет матери:

Можешь подняться наверх и помочь мне с макияжем?

Она чувствует себя неловко. Мать и без того делает для нее более чем достаточно.

Ной дремлет, и мать наслаждается редким моментом покоя в одиночестве.

Но через несколько секунд мать отвечает смайликом с поднятым вверх большим пальцем, а затем входит в комнату и наполняет ее своим теплом.

– Хорошо, помогу, а что тебе нужно сделать?

– Стрелки, – отвечает Таллула, передавая матери жидкий лайнер. – Я их вечно порчу.

Мать тащит через комнату табурет и садится на него так, чтобы быть в нескольких дюймах от лица Таллулы. Таллула чувствует запах духов от ее шеи: они из «Боди-шопа», и в них есть мускус. По словам матери, мускус вызывает у мужчин желание заняться с вами сексом. Что лично Таллуле кажется маловероятным. Зачем кому-то заморачиваться по поводу того, что надо делать, чтобы мужчинам захотелось заняться с вами сексом, если вы можете просто нанести определенный парфюм и все дела?

Контур одной из татуировок матери едва виден над вырезом ее топа: кончик пера, который ниже образует часть птицы. У ее матери шесть татуировок. Одну она сделала еще до того, как родилась Таллула, а остальные – после. Внутреннюю сторону предплечья украшают бледно-розовые детские следы Таллулы, длиной три дюйма, с причудливыми инициалами внизу.

На тыльной стороне руки у нее вытатуированы детские ножки Райана. На спине – рыба в японском стиле, на щиколотке – стая ласточек, а на безымянном пальце – бриллиант.

Она говорит, что бриллиант призван символизировать ее брак с самой собой. После того как Ким рассталась с отцом Таллулы и Райана, она поклялась никогда больше не выходить замуж, а татуированное обручальное кольцо будет означать, что у нее уже кто-то есть.

Таллула закрывает глаза и подставляет лицо к протянутой руке матери.

– Итак, – говорит мать, проводя кистью вдоль ее левого века, – что это за вечеринка?

Это рождественская вечеринка в колледже, с дискотекой в столовой и дрянной музыкой, но она знает: там будет крутая тусовка. Там будет Скарлетт и ее банда, потому что они входят в комитет по планированию внеклассных мероприятий, и она очень остро чувствует, что если туда не пойдет, то может что-то упустить, хотя и плохо понимает, что именно.

Таллула пожимает плечами.

– Просто захотелось, – говорит она. Ее мать завершает стрелку на втором веке, и она поворачивается, чтобы увидеть себя в зеркале. Стрелки идеальные.

– Спасибо, мам, – говорит она. – Ты лучшая.

– Что ты собираешься надеть? – спрашивает мать.

– Топик, – отвечает она. – Ну, тот, который мы на прошлой неделе купили в «Белфрай». Тот, что с сердечками. И мои черные джинсы.

– Да-да, – отвечает мать, – это будет смотреться прекрасно.

Таллула улыбается. Это не самый клевый в мире топик, но он – а это самое главное – скроет ее послеродовой живот, который упорно отказывается вернуть себе прежнюю форму. Через час она спускается вниз. Ной устроился у матери на коленях, и они вместе смотрят мультики. Райан в наушниках сидит за обеденным столом и делает уроки.

– Ты великолепно выглядишь, – говорит ее мать. – Просто великолепно.

Таллула наклоняется, чтобы расцеловать Ноя в обе щеки.

– Как ты туда доберешься?

– Меня подвезет Хлоя.

Ее мать кивает.

– Ты уверена, что все будет в порядке? – спрашивает Таллула, касаясь макушки малыша. – Если хочешь, я никуда не поеду.

– Конечно, у нас все будет хорошо. Через минуту нам пора купаться, не так ли, мой ангел? – голос матери повышается на октаву или две, когда она обращается к Ною. – А потом хорошая сказка на сон грядущий, чтобы крепко-крепко спать до самого утра. Да-да! Правда, мой сладенький?

Ной поворачивает голову и улыбается ей, и мать Таллулы крепко целует его в щеку.

– Давай, – говорит она. – Иди, повеселись. Дай мне знать, если припозднишься.

– Я точно не опоздаю, – отвечает она. – Мама Хлои требует, чтобы она вернулась к одиннадцати, так что я тоже вернусь.

Таллула слышит, как к дому подъезжает машина, и бросается к входной двери. Она на бегу мельком смотрит на себя в зеркало.

По ее мнению, выглядит она довольно симпатично.

Первый час оказался таким же дерьмом, как и ожидала Таллула. Дерьмовая аудиосистема с дерьмовой музыкой. Окошко в стене, откуда в обеденное время им подают подносы с едой, открыто, но теперь из него подают пиво в пластиковых бутылках и вино в бокалах. Они с Хлоей сидят на скамейке спиной к стене, держа по стакану пива, и наблюдают, как вокруг них разворачивается вечеринка. Хлоя ходила вместе с Таллулой в школу, начальную и среднюю. Они никогда не были особенно близкими подругами, но по необходимости сблизилась во время первого семестра в колледже.

Внезапно по залу прокатывается приглушенный гул голосов, и в двойных дверях появляются Скарлетт Жак и ее девчачья банда. Они смеются, переговариваются друг с дружкой, и ни одна из них не приложила ни малейших усилий, чтобы принарядиться. Осветленные голубые волосы Скарлетт заплетены в две короткие косички. На ней мешковатые джинсы, майка с леопардовым принтом и мешковатое пальто из искусственного меха. Вся атмосфера зала меняется, как только они входят.

– Какого хрена они здесь забыли? – Хлоя хмурится.

Таллула поворачивается.

– Почему бы им здесь не быть? Они помогли это организовать.

– Я бы подумала, что они слишком крутые для такого рода веселья.

Таллула внутренне ощетиливается, что ей самой кажется странным.

– Они просто люди, – возражает она.

Но она знает, что это неправда. Они больше, чем просто люди.

Они – настроение, чувство, атмосфера, стремление. Они похожи на музыкальный клип или трейлер к классному фильму. Они рекламный щит бренда модной одежды. В крохотном замкнутом аквариуме Мэнтонского колледжа они, по сути, знаменитости.

– Хочешь еще выпить? – спрашивает она, вставая на ноги.

Хлоя качает головой.

– Это мой лимит, – говорит она, изображая, что крутит руль машины.

– Что насчет кока-колы?

– Конечно, – говорит Хлоя. – Диетической, если у них есть.

Таллула натягивает ниже топ с принтом в виде сердечек, чтобы скрыть зазор между поясом джинсов и подолом топа, в котором видны растяжки, оставленные ее беременностью.

Она направляется к бару как раз в тот момент, когда прибывает Скарлетт и ее команда.

От них пахнет так, будто они уже выпили, – своего рода издевка над трезвым часом Таллулы, проведенным перед зеркалом, над ее тихим прощанием с маленьким сыном на коленях у матери, ее сидящим за ноутбуком братом, корпеющим над домашним заданием. Насколько разным было их время перед вечеринкой!

Скарлетт смотрит в свой телефон, пока кто-то стоит в очереди, чтобы принести ей выпивку. Шуба сползла с ее плеч, обнажив татуировку на руке и точеную ключицу. Она берет из руки подруги пиво и ловит взгляд Таллулы.

– О! – восклицает она. – Да ведь это Таллула из автобуса!

Таллула кивает.

– Да, – говорит она, – это я, из автобуса.

После краткого общения на автобусной остановке в тот день, несколько недель назад, они пару раз кивали друг другу, но дальше этого дело не пошло.

– Ты хорошо выглядишь. – Она подносит к лицу Таллулы бутылку пива, подразумевая, как предполагает Таллула, ее макияж.

– Спасибо. – Она едва не отвечает: «Ты тоже», но успевает передумать.

Парень за стойкой вопросительно смотрит на нее, и она заказывает себе выпить. Отвернувшись от бара, она ожидает, что Скарлетт ушла, чтобы присоединиться к своим подружкам на танцполе, но та ждет ее. Таллула пытается скрыть удивление.

– За встречу, – говорит Скарлетт, стуча пластиковой пивной бутылкой о бутылку Таллулы.

– За встречу, – говорит Таллула.

– Ты здесь с кем? – Скарлетт оглядывает комнату.

– С Хлоей Минтер. – Она указывает на подругу. Та сидит, уткнувшись в свой телефон. – Мы с ней на одном курсе. Она живет в деревне. Рядом со мной. Ну, ты понимаешь. И она за рулем. Так что...

Она пожимает плечами, как бы намекая, что причины, почему она здесь с Хлоей Минтер, чисто практические. В каком-то смысле так оно и есть.

Диджей ставит «На Рождество я хочу лишь тебя» в исполнении Мэрайи Кэри. В зале тотчас раздаются радостные возгласы, народ машет руками и всей толпой устремляется на танцпол.

– Ой! Ой, ой! – говорит Скарлетт. – Пойдем. Мы должны танцевать!

Таллула моргает. Она даже в лучшие времена не любила танцевать.

Но она не хочет казаться жалкой, поэтому смеется и говорит:

– Я еще недостаточно пьяна.

Скарлетт копается в кармане своей огромной шубы из искусственного меха и достает плоскую медную фляжку.

– Давай, – говорит она. – Выпей.

– Что это?

– Ром, – отвечает Скарлетт. – Очень-очень хороший ром. Мой отец привез его с Барбадоса. Вернее, – она изображает большим и указательным пальцами кружок, – самый лучший.

Таллула нюхает край фляжки.

– Чувствуешь аромат специй? – спрашивает Скарлетт.

Таллула кивает, хотя на самом деле она чувствует лишь запах алкоголя. Она делает глоток и возвращает фляжку.

– Нет, нет, нет, – говорит Скарлетт. – От этого ты не затанцуешь! Больше!

Таллула вновь подносит фляжку к губам и делает четыре глубоких глотка.

– Ну как, достаточно пьяна, чтобы танцевать?

Она кивает, и Скарлетт тащит ее на танцпол. Они, танцуя, движутся навстречу ее подругам, и она крутит Таллулу перед собой, и Таллула чувствует, что, когда она поднимает руки, ее новый топик скользит вверх. Она пытается их опустить, но Скарлетт не дает ей это сделать.

Все подпевают, и Таллула замечает, что вместе с ними поют и некоторые учителя, и люди, которых она не ожидала увидеть на танцполе. Алкоголь бежит по ее кровеносным сосудам и попадает в мозг, и внезапно ей становится все равно. Ей наплевать и на свой рыхлый живот, и на сидящую на скамейке Хлою. Ей просто хочется танцевать, веселиться, как будто ей нормальные восемнадцать, и она беззаботна как мотылек, и дома нет ни ребенка, ни обиженной матери, у которой, по идее, сегодня вечером должна быть своя вечеринка, нет бывшего парня, что вечно топчется за кулисами, пытаясь вернуть ее. Сейчас есть только она, восемнадцатилетняя, первокурсница колледжа, вся ее жизнь впереди, и самая крутая девушка в мире держит ее руки над головой и улыбается ей. Есть Мэрайя, ром и падающие с потолка блестки, что приземляются на пол у ее ног и ложатся ей на волосы.

Песня заканчивается, и Скарлетт наконец отпускает руки.

– Теперь, – говорит она, – Рождество официально началось!

Она издает ликующий вопль и хлопает ладонью по ладоням подруг, а затем, когда Таллула предполагает, что она сейчас бросит ее и вернется в защитный кокон своей маленькой банды, Скарлетт поворачивается к ней и говорит:

– Пойдем со мной на улицу.

Таллула с тревогой смотрит через плечо на Хлою.

– С ней все будет в порядке, – говорит Скарлетт. – Пойдем.

Она тащит ее за руку сквозь двойные двери в холл. Затем они выходят на автостоянку. Воздух тотчас становится ледяным, и хотя на Скарлетт по-прежнему ее огромная шуба, Таллула одета лишь в хлопковый топик с короткими рукавами.

– Вот, – говорит Скарлетт, распахивая шубу. – Здесь хватит места для двоих.

Таллула неуверенно смотрит на нее, затем пожимает плечами и, улыбнувшись, прижимается к костлявому телу Скарлетт и натягивает на плечи другую полу шубы.

– Куда мы идем?

– В одно маленькое местечко, которое я знаю.

Таллула моргает, чувствуя странную неловкость.

– Чем ты так напугана?

– Я не напугана.

– Еще как напугана.

Они движутся как единое целое под панцирем огромной шубы и в конце концов оказываются на скамейке. Скарлетт ощупывает карманы шубы и вытаскивает пачку сигарет. Открывает ее и предлагает Таллуле.

Таллула качает головой. Она никогда не курила, и ее не тянет это делать.

– Извини, что вытащила тебя оттуда, – говорит Скарлетт, вынимая из пачки сигарету. – Только что поняла, что я слишком пьяна. Перебрала. Нужен свежий воздух. И свежая компания.

Она закатывает глаза.

Таллула бросает на нее недоуменный взгляд.

– В смысле, пойми меня правильно, я люблю их до смерти, честное слово. Но мы слишком давно тусуемся вместе. Ну, ты знаешь, мы все учились в Мейпол-Хаусе, и это очень пафосное место. Я имею в виду, очень-очень крутое.

– Что ты там делала?

– Просто сдавала выпускные экзамены. В первом семестре шестого класса я училась в частной школе-интернате, но потом меня отчислили. Другие школы не хотели меня брать, никто, кроме Мейпола, поэтому мой отец купил поблизости дом, чтобы я была приходящей ученицей. – Скарлетт пожимает плечами и закуривает сигарету. – А ты? Где ты ходила в школу?

– В местную среднюю, здесь, в Апфилде.

– И где ты живешь?

– В тупике по ту сторону главной площади.

– С родителями?

– Да. В смысле с мамой. И братом. Мой отец живет в Глазго.

У нее перехватывает дыхание, ведь она должна сказать еще одну вещь. Про сына, Ноя. Слова уже там, на полпути к ее горлу. Они как будто липкие, и она не может заставить их отклеиться. Она не знает почему. Она почти уверена, что вообще-то такая девушка, как Скарлетт, подумает, что это здорово, что у нее есть ребенок, хотя ей всего восемнадцать. Но по какой-то причине сегодня вечером она не хочет быть девушкой, демонстрирующей поразительный уровень зрелости. Девушкой, серьезно относящейся к своим обязанностям. Девушкой, которая каждый день просыпается с младенцем в шесть утра, даже по выходным. Которая, пока ее ребенок спит, выполняет домашние задания. Которая не забывает покупать подгузники и стерилизовать бутылочки с молоком, купленные на карманные деньги, что ей дает мать и которые другие девушки потратили бы на косметику и накладные ресницы.

Она была этой девушкой шесть месяцев, и у нее хорошо получается быть ею. Но сейчас она съезжилась на холоде под шубой вместе с худенькой девушкой, которая если и родит ребенка, то не раньше чем лет в тридцать шесть; девушкой, которую исключили из привилегированной школы, которая курит сигареты, имеет татуировки и пирсинг на языке. По крайней мере в данный момент Таллула хочет быть кем-то другим.

– Ага, – заканчивает она. – Только мы.

– А ты всегда жила в Апфилде?

– Да. Родилась и выросла.

– А что твой отец делает в Глазго?

– Он родом из Глазго. Он вернулся, когда они с мамой расстались.

Скарлетт вздыхает и кивает.

– А ты? – спрашивает Таллула. – С кем ты живешь?

Она поднимает бровь.

– Я как бы живу с матерью и отцом, но моя мать как бы двухмерна, а мой отец вечно в отъезде. Но у меня есть брат. Он крутой. Мне он нравится. И у нас буквально самая лучшая в мире собака. Сенбернар. Размером с гребаного пони, но считает себя обыкновенным псом. Он мой лучший друг. В буквальном смысле. Без него я бы пропала. Или бы даже умерла.

– Я тоже хочу собаку, – говорит Таллула. – Но у моего брата аллергия.

– О боже, тебе непременно нужно завести собаку. Заведи кокапу! Или какую-нибудь другую помесь с пуделем. Они гипоаллергенны. Кавапу тоже милашки. Ты просто обязана завести собаку.

Пару мгновений Таллула празднично фантазирует о кавапу. Да, она не прочь завести такую плюшевую игрушку абрикосового цвета, с огромными глазами и мягкими ушами. Она представляет, как гуляет с таким песиком по деревне, как сажает его в сумку через плечо, чтобы войти с ним в магазин, но затем останавливается и вспоминает, что у нее не может быть кавапу, потому что у нее есть ребенок.

– Может быть, – говорит она. – Может быть.

Скарлетт каблуком вминает сигарету в землю и снова вытаскивает из кармана медную фляжку. Сделав глоток, она передает ее Таллуле. Та тоже делает глоток и передает фляжку обратно.

– А ты хорошенькая, – говорит Скарлетт, серьезно разглядывая ее. – Ты это знаешь?

– Э-э-э... вообще-то нет.

– Нет, правда. Есть что-то в твоём... – Она кончиком пальца приподнимает лицо Таллулы и пристально на нее смотрит. – Думаю, это твой нос. То, как его кончик слегка вздернут. Ты похожа на Лану Дель Рей.

Таллула хрипло смеется.

– Ну, ты скажешь!

– Думаю, дело в подводке для глаз плюс нос, – она берет лицо Таллулы в свои ладони. – Ты всегда должна делать такую подводку, – говорит она, медленно отстраняясь, но ее глаза все еще придирчиво изучают детали ее лица.

Таллула чувствует, как в ней что-то вспыхивает, что-то похожее на прилив адреналина, как это бывает, когда вы едва не оступились, спускаясь вниз по лестнице, ей одновременно муторно и приятно.

А потом в темноте мелькает фонарик, раздаются голоса и появляется банда Скарлетт, не способная выжить без присутствия своей лидерши, как без кислорода, даже десять минут. Наконец-то они ее выследили!

– А, вот и ты, – говорит одна, почти сердясь на нее за то, что Скарлетт посмела оказаться где-то в другом месте. – Джейден сказал, что ты, возможно, ушла домой.

– Неа. Просто здесь, болтаю с Таллулой из автобуса.

Две девушки вопросительно смотрят на Скарлетт, и Таллула видит, как их взгляды скользят по их прижатым друг к другу под шубой Скарлетт телам и на их лицах появляется нечто вроде догадки, легкий шок понимания. Интересно, что именно они видели, задается она вопросом.

Они кивают ей, и она кивает в ответ.

– Это Мими, а это Ру, – говорит Скарлетт. – Пара кошёлок, которых я знаю уже лет сто. Это Таллула. Согласитесь, она хорошенькая? – добавляет она. – И вообще, немного похожа на Лану Дель Рей, что скажете?

Они смотрят на нее тупо, слегка неловко.

Скарлетт поднимается на ноги, ее шуба падает с плеч Таллулы, и ей внезапно становится холодно, очень холодно. Она смотрит на трех девушек, все они прикуривают сигареты и танцуют вместе под ритмичные звуки «Восемь дней Рождества» в исполнении группы «Destiny's Child», долетающие из столовой.

– Мне лучше вернуться, – говорит она, вспомнив, что Хлоя сидит в одиночестве в ожидании своей банки диетической колы. – Меня ждет подруга.

Скарлетт стоит, уперев руки в боки, и щурит глаза, глядя на нее с притворной досадой, но тут же улыбается и говорит:

– Увидимся, Таллула из автобуса.

Таллула неуклюже показывает ей большие пальцы. Она действительно не знает, что еще сказать. Затем она поворачивается и возвращается внутрь, где Хлоя вопросительно и обиженно смотрит на нее.

– Извини, – говорит Таллула, садясь рядом с ней. – Я и правда не понимаю, что только что произошло. Она вроде как... перехватила меня.

– Странно, – говорит Хлоя, слегка наморщив нос.

– Это да, – говорит Таллула, поглаживая изгибы довольно теплой пластиковой пивной бутылки и глядя куда-то в пространство. – Это и вправду странно.

– 12 –

Июнь 2017 года

Ким покидает квартиру Керрианны и идет с Райаном через луг к дому Мэгс, чтобы забрать Ноя. Когда Мэгс выносит его к входной двери, он спит в своем автокресле. Ким подавляет волну раздражения. Она специально сказала Мэгс, что Ной должен бодрствовать, потому что тогда он не устанет и еще долго не захочет спать. И вот теперь ей придется разбудить его, чтобы снять с него одежду и приготовить ко сну, и он будет капризным и недовольным, а потом, когда она положит его в кровать, он не захочет спать, но Мэгс лишь нежно улыбается ему, спящему в автокресле, и его темные волосы влажны от пота.

– Благослови Бог его маленькую душу, – говорит она, – он был так измучен, что я просто не могла это видеть и разрешила ему поспать.

Ким хмуро улыбается и берется за ручку автокресла.

– Неважно, – натянуто говорит она.

– Как я понимаю... – начинает Мэгс, – ...о детях ничего?

– Да, – говорит Ким. – О детях ничего. Хотя... Зак говорил что-нибудь о своих планах на прошлую ночь?

– Нет. В смысле, я даже не знала, что они собирались в паб, пока ты мне об этом не сказала. Последние несколько дней мы с ним особо не общались.

– То есть ты ничего не знала про... – Ким умолкает, не зная, испортить сюрприз или нет, затем решает, что лучше не надо. Найти местонахождение Зака и Таллулы сейчас куда важнее, чем любые сюрпризы, – ...про кольцо? – заканчивает она.

– Кольцо?

– Да. Обручальное кольцо. Зак говорил тебе что-нибудь о том, что готов сделать Таллуле предложение?

Мэгс смеется.

– Боже, – восклицает она, – нет!

Ким в упор с прищуром смотрит на нее. Она понятия не имеет, почему Мэгс это кажется смешным.

– Есть еще кто-нибудь, с кем Зак мог бы это обсудить? С другом? С отцом?

– Полагаю, с друзьями, но я уже поговорила с ними со всеми, и никто ничего не знает о том, что произошло прошлой ночью. И нет, он не стал бы говорить об этом со своим отцом. Его отец не такой человек. Ему недостает эмоциональной отзывчивости.

Ким подавляет кислую улыбку. Такого эмоционально глухого человека, как муж Мэгс, лично она еще не встречала. Она вздыхает.

– Понятно, – говорит она, – А теперь мне нужно отнести этого маленького человечка домой и попытаться заставить его проснуться, а затем попытаться убедить его снова уснуть.

Мэгс тупо улыбается ей. Она не имеет ни малейшего представления.

– Пожалуйста, дай мне знать, если что-нибудь услышите, хорошо? – просит Ким. – Если к тому времени, когда Ной уснет, она не вернется, я позвоню в полицию и сообщу, что она пропала. Возможно, ты захочешь сделать то же самое.

Мэгс пожимает плечами.

– Я по-прежнему считаю, что они просто сбежали куда-то, чтобы отдохнуть от всего. Но да. Возможно, мне стоит волноваться. Возможно, ты права.

Ким поворачивается и, едва заметно качая на ходу головой, направляется к своей машине. Она на миг зажмуривается, отказываясь понять, как мать и бабушка могут так манкировать своими обязанностями.

Первая половина вечера проходит быстро, поскольку она готовит годовалого ребенка ко сну. Ной, как она и предсказывала, не утомился, а к тому времени, когда он наконец успокоился, уже почти девять вечера.

Ей хочется вина, но она должна оставаться трезвой и здравомыслящей, потому что ее вечер еще далек от завершения. Она сидит в гостиной. По телевизору что-то идет, она толком не знает что: какая-то шумная субботняя передача. Райан сидит в кресле, уткнувшись в свой телефон, его нога подпрыгивает вверх и вниз – единственное, что выдает его тревогу.

Она снова звонит на номер Таллулы. Звонок вновь переходит на голосовую почту.

Она смотрит на Райана.

– Зак сказал тебе что-нибудь? – спрашивает она. – О том, чтобы сделать предложение Таллуле?

По легкому движению головы Райана, по тому, как он тотчас прекратил дергать ногой, она мгновенно понимает, что да.

– Почему ты спрашиваешь? – говорит он.

– Просто интересуюсь. Вчера я нашла в кармане его куртки кольцо. Я подумала, вдруг вчера вечером он собирался сделать Таллуле предложение. Ведь это имело смысл, учитывая, что он пригласил ее с собой в паб.

– Да, он вроде бы сказал, что думал об этом. Но он не сказал, когда именно собирался это сделать.

– Что именно он сказал?

– Просто спросил, что я думаю. Мол, думаю ли я, что она ответит «да», если он ее спросит.

– А что ты сказал?

– Я сказал, что понятия не имею. Потому что так оно и было.

Она кивает. Затем смотрит на часы. Сейчас девять. Достаточно, думает она, достаточно. Пора.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, а желудок скручивается узлом, она звонит в полицию и подает заявление о пропаже дочери.

На следующее утро у ее дверей стоит весьма привлекательный мужчина. В сером костюме и кремовой рубашке с открытым воротом, на шнурке удостоверение личности.

Он вытаскивает из кармана пиджака значок и показывает ей.

– Детектив-инспектор Доминик Маккой, – представляется он. – Это вы звонили по поводу пропавшей вчера вечером девушки?

Ким энергично кивает.

– Да, да. Боже, да. Пожалуйста, входите.

Она почти не спала. В конце концов она забрала Ноя в свою кровать, потому что после ночного пробуждения он никак не мог утомиться в своей кроватке, и они оба лежали там, в темноте, моргая, глядя в потолок.

В какой-то момент он повернулся к ней, горячей рукой схватил ее за щеку и сказал «amma». Он повторил это еще три раза, прежде чем она сообразила, что он пытался сказать «мама». Что он пытался произнести свое первое полное слово.

– Проходите, – говорит Ким, ведя Доминика Маккоя в гостиную. – Принести вам что-нибудь?

– Нет. Я только что выпил кофе, так что мне ничего не надо. Спасибо.

Они сидят друг напротив друга за журнальным столиком. Ким вручает Нюю пачку рисового печенья, чтобы он какое-то время молчал.

– Итак, мой коллега сказал мне, что ваша дочь не вернулась домой в пятницу вечером. Это верно?

Ким кивает.

– Моя дочь и ее парень... он живет с нами. Они оба не вернулись домой.

– А сколько им лет?

– Им обоим по девятнадцать. В марте им исполнилось девятнадцать.

Инспектор Маккой странно смотрит на нее, как будто она не должна волноваться из-за пары девятнадцатилетних юнцов.

– Но они родители, – продолжает она. – Ной – их сын. Так что не похоже, что они ни с того, ни с сего вдруг решили сбежать. Они хорошие родители. Ответственные.

Он задумчиво кивает.

– Понятно.

Интересно, что, по его мнению, ему понятно? Но затем она отвечает на его вопросы о событиях пятницы и субботы.

Она сообщает ему адрес Скарлетт, адрес Лекси, адрес Мэгс.

Она готова упомянуть обручальное кольцо, но в последнюю минуту прикусывает язык, сама не зная почему.

Через полчаса он собирается уходить.

– Так что вы думаете? – спрашивает Ким. – Как вы считаете, что с ними могло случиться?

– Пока нет никаких оснований полагать, что с ними что-то случилось. Двое молодых людей, огромная ответственность, их первая ночь вне дома за долгое время, может, они просто решили дать себе немного свободы.

– Нет, – мгновенно возражает Ким. – Точно нет. Они обожают своего сына. Они оба. В особенности моя дочь. Она в нем души не чает.

Детектив задумчиво кивает.

– А этот парень, Зак? Пытался ли он неким образом контролировать вашу дочь? Что вы думаете? Вы замечали признаки жестокого обращения?

– Нет, – снова отвечает Ким, чересчур быстро, пытаясь преодолеть небольшие, но тревожные сомнения, которые начинают у нее возникать. – Он обожает Таллулу. Буквально трясется над ней. Даже слишком.

– Слишком?

Она понимает, что сказала что-то не то, и идет на попятную.

– Нет. Не слишком. Но как мне кажется, иногда ей это действует на нервы.

– Я не против, чтобы меня так обожали, – говорит Маккой с улыбкой.

Ким закрывает глаза и кивает. Мужчины не понимают, думает она, они не знают, как рождение ребенка вынуждает женщину защищать свою кожу, свое тело, свое личное пространство. Когда вы весь день напролет, всеми возможными способами, какими только можно отдавать себя другому человеку, отдаете себя ребенку, последнее, чего вам хочется в конце дня, – это взрослый мужчина, который ждет, чтобы вы отдавали себя и ему тоже. Мужчинам невдомек, что прикосновение руки к затылку может восприниматься как настойчивая просьба, а не как жест любви; что эмоциональные проблемы становятся невыносимыми; что их любовь порой бывает выше ваших сил. Просто выше ваших сил. Ким иногда думает, что женщины, пока они не станут настоящими матерями, учатся быть матерями на мужчинах, оставляя после себя что-то вроде пустоты.

Минутой позже инспектор Маккой уходит. Он обещает открыть расследование. Он не говорит, когда и как. Ким наблюдает за ним из переднего окна, как он садится в автомобиль без опознавательных знаков, поправляет зеркало заднего вида, поправляет пиджак и волосы, включает двигатель и уезжает.

Она поворачивается к Ною, который сидит в своем надувном кресле с раскрошенным рисовым печеньем в ладошке, и, вымучив грустную улыбку, чтобы отвлечь его от бегущих по ее носу слез, говорит:

– Амма, Ной? Где она?

– 13 –
Август 2018 года

Софи наклоняется, чтобы прочитать надпись на маленькой деревянной табличке под кустом роз за автобусной остановкой. Там написано: «Роза Таллулы, пока мы не встретимся вновь». Она выпрямляется и оглядывается вокруг, ища глазами окно, у которого могла стоять мама бедной Таллулы, наблюдая за своей девочкой, ожидающей автобуса в школу. Прямо напротив автобусной остановки домов нет, зато есть небольшой тупик на другой стороне площади, совсем рядом с Мейпол-Хаусом. Отсюда Софи виден отблеск солнечного света на его окнах.

Она вновь пересекает площадь и направляется к тупику. Он состоит примерно из шести домов, расположенных полумесяцем вокруг небольшого зеленого участка земли, автомобили припаркованы наполовину на тротуаре, чтобы другие машины могли протиснуться мимо. Сами дома – небольшие, послевоенной постройки, с оштукатуренным фасадом и деревянным крыльцом. Софи поворачивается и оглядывается на площадь, пытаясь понять, из какого дома видна автобусная остановка.

Похоже, что из двух. Один из них кажется совсем запущенным, другой, наоборот, яркий и современный. В окне кактусы в медных горшках, а у задней стены едва различим коричневый кожаный диван с грудой пестрых подушек.

В статье говорилось, что в ту ночь, когда они пропали, Таллула и ее парень отдыхали в местном гастропабе «Лебедь и утки», который Питер Дуди рекомендовал Софи и Шону в день их прибытия. Софи продолжает кружить по площади, пока не оказывается рядом с пабом. На вид он вполне симпатичен, недавно выкрашен в традиционные оттенки серого. Перед ним усыпанная гравием площадка с круглыми деревянными столами и стульями, огромными кремовыми зонтиками и стендами, на которых вывешены меню с ценами на еду и пиво.

Она толкает дверь. Это типичный гастропаб: модные абстрактные рисунки на стенах, дизайнерские обои, восстановленные половицы и галогенные лампы под потолком. Женщине за стойкой на вид лет сорок с лишним, но она по-своему привлекательна. На ней черная прилаченная футболка с короткими рукавами, черные брюки и барменский фартук, крепко завязанный вокруг талии. Ее темные волосы собраны в хвост. Увидев Софи, она подходит к стойке, кладет на нее руки, натягивает профессиональную улыбку и спрашивает:

- Что я могу вам предложить?
- Только капучино, если можно. Спасибо.
- Одну минуту.

Женщина поворачивается к большой хромированной кофеварке, и Софи замечает на внутренней стороне ее рук татуировки. Сначала она думает, что это ожоги или шрамы, но потом видит, что это отпечатки детских ножек.

- У вас очень милые татуировки, – говорит она. – Детские ножки.

Женщина поворачивается к Софи, и ее улыбка слегка тускнеет. Она смотрит на одну руку, а другой осторожно касается крошечной стопы.

- А-а-а, верно, – говорит она. – Спасибо.

И продолжает варить кофе. Кофемашина оглушительно шипит и плюется, и Софи даже не пытается продолжить разговор. Пока она ждет, ее взгляд падает на ноги женщины. Сама она изящного телосложения, но на ногах у нее почему-то пара изношенных кожаных армейских ботинок. Что-то щелкает в памяти Софи. Она видела эти армейские ботинки раньше, совсем недавно, совсем-совсем недавно.

А потом она вспоминает: снимок в деревенской газете о мемориальной процессии в честь Таллулы – ее мать была в армейских ботинках и в красивом платье с цветочным орнаментом. Женщина поворачивается, в руке у нее чашка капучино.

– Посыпать шоколадом? – спрашивает она, приподняв жестянку.

И Софи видит, что это она. Мать Таллулы. Ким Нокс.

Пару секунд она молчит.

– Так да или нет? – говорит женщина, размахивая жестянкой.

– Извините, да. Пожалуйста. Спасибо.

Женщина насыпает кофе шоколадной крошкой и подает ей чашку. С трудом глядя в глаза Ким Нокс, Софи нащупывает в сумочке бумажник. Такое чувство, что ее вот-вот застукают за тем, что она тут что-то разнюхивает. Она расплачивается бесконтактной картой и несет кофе к маленькому фиолетовому бархатному креслу рядом с низким латунным кофейным столиком. Оттуда она наблюдает, как Ким Нокс ставит на полки бутылки с тоником. В ней чувствуется странная энергия. На вид она весит не больше девяти стоунов¹, но ее движения – это движения кого-то более тяжелого. В паб входит молодой человек и направляется к проходу в барной стойке.

– Привет, Ник! – кричит ему вслед женщина, когда он проходит мимо.

– Доброе утро, Ким! – кричит он, прежде чем исчезнуть за дверью в дальней части бара. Так что это определенно она. Ким Нокс. Через минуту мужчина появляется снова. Он на ходу завязывает вокруг талии фартук и закатывает рукава рубашки.

– Помочь? – спрашивает он у Ким.

– Конечно, – говорит она, слегка отодвигаясь, чтобы уступить ему место.

Софи опускает глаза и делает вид, будто смотрит в телефон.

Интересно, давно ли здесь работает Ким? И работала ли она здесь в ту ночь, когда пропала ее дочь? Софи так многое хочется узнать и спросить. Она чувствует, как щупальца ее вымышленного дуэта детективов из южного Лондона, Сюзи Битс и Тайгера Ю, начинают проникать в ее душу.

Когда она пишет, ее мозг придумывает загадки и тайны, а Сюзи и Тайгер должны разгадывать их за нее – вот как это работает.

Сюзи и Тайгер без колебаний подошли бы к этой печальной красивой женщине и спросили бы ее о том, что случилось с ее дочерью. Просто потому, что это их работа. Но это не работа Софи. Она не детектив. Она писательница и не имеет права вторгаться в личную жизнь этой женщины.

Когда через несколько минут она уходит, Ким Нокс улыбается.

– Удачного дня! – кричит она, наклоняясь, чтобы забрать пустую кофейную чашку Софи со стойки, где та ее оставила.

– Спасибо, – говорит Софи. – Вам тоже.

* * *

Софи вытаскивает из пристроенного к их коттеджу сарая старый велосипед, очищает его от паутины и сухих листьев и едет в сторону Апли-Фолда. После туманного утра солнце начинает пробиваться сквозь облака. От живой изгороди пахнет дикой петрушкой и старой соломой, воздух тяжелый и теплый. Перед домом она слезает с велосипеда и, хрустя гравием, идет к входной двери, приставляет ладони к стеклу и заглядывает в коридор.

На коврике у входной двери лежит небольшой веер конвертов, а под входной дверью – щель с приклеенной к нижнему краю щеткой. Она роется в своем рюкзаке, нащупывая про-

¹ Стоун – британская единица измерения массы, равная 6,3 килограмма. – *Прим. пер.*

волочную вешалку, которую она положила туда именно для такого случая. Она опускается на колени и просовывает вешалку под щетку. Та что-то задевает. Софи опускается ниже и двигает вешалкой и предметом, пока ей не кажется, что тот достаточно близко, чтобы его можно было нащупать пальцем, а затем осторожно подтаскивает его. И вот он: конверт.

Это письмо, и оно адресовано мистеру Мартину Дж. Жаку. Она с облегчением вздыхает. *Жак*. Необычная фамилия. Как будто специально для Гугла. Она фотографирует письмо и осторожно засовывает его обратно под дверь.

Время между тем приближается к одиннадцати часам. У нее есть еще несколько минут, чтобы поводить тут носом, прежде чем отправиться обратно в деревню на обед с Шоном. Она обходит дом и через красивые кованые ворота с арочным верхом направляется в задний сад и к бассейну. Она заглядывает в окна. Она заходит в оранжерею и поднимает легкие как перышки горшки с растениями, наблюдая, как разбегаются и прячутся по углам пауки. На деревянной скамейке лежит маленький заржавленный садовый совок. Она сует его во внешний карман рюкзака. У нее возникла идея.

Стрелка на куске картона, прибитого к забору, указывает вниз и чуть влево. Она понятия не имеет, является ли строчка «Копать здесь» точным указанием или неким общим направлением, но она начинает копать как можно ближе к кончику стрелки. Она копает, и ее бьет дрожь. Ее кровь бурлит адреналином страха.

Четырнадцать месяцев назад два подростка пропали без вести где-то между «Темным местом» и деревней, возможно где-то в этих лесах. Знак, который еще два дня назад казался таким безобидным. Знак, который, как ей казалось, остался от летнего лагеря, от игры в поиски клада. Знак, который – она в этом почти уверена – она уже видела где-то в другом месте, в какой-то другой момент своей жизни, теперь несет в себе тень потенциального ужаса.

Может быть, это клочок порванной одежды? Крошечный осколок кости? Прядь волос, перевязанная выцветшей атласной лентой? Софи задерживает дыхание. Совок все глубже и глубже погружается в высохшую за лето землю. Каждый раз, когда он натывается на камень, она шумно втягивает в себя воздух.

Через девять минут кончик совка приподнимает что-то маленькое и твердое. Темный кубик. Она кончиками пальцев вытаскивает его из земли и смахивает грязь. На кубике выгравирован какой-то золотой логотип, и сразу невозможно определить, что это, и как только ее пальцы ощупывают его, она понимает: это футляр для кольца. Большими пальцами она раздвигает его. Внутри – идеальное, блестящее золотое обручальное кольцо.

– 14 –

Январь 2017 года

Занятия в колледже возобновляются, и Таллула этому рада. Рождество прошло хорошо, первое Рождество Ноя. Ее отец, которого зовут Джим, приехал 26 декабря. Это был второй раз, когда он увидел Ноя с момента его рождения. Он на две ночи снял номер на втором этаже паба «Лебедь и утки» и даже заплатил за них всех за ужин двадцать седьмого числа. Ему очень понравился Ной. Усадив внука себе на колени, он как зачарованный смотрел на него и заявил, что такого красивого младенца еще ни разу в жизни не видел.

Обычно отец Таллулы был страшным эгоистом, думающим лишь о себе, но, почувствовав себя дедом, он как будто снял со своего сердца защитную корку. Но рождественское волшебство вскоре рассеялось, новизна от встречи с Ноем в его костюмчике рождественского эльфа быстро испарилась, и в канун Нового года Таллула вынуждена сидеть дома одна, пока ее мать с компанией друзей пошла в паб, а Райан – на вечеринку. Это был один из первых моментов, когда обязанности и ограничения материнства дали о себе знать как тяжелые кандалы.

Поэтому, когда Зак предложил прийти и провести с ней эту ночь, она, хотя не хотела, чтобы он решил, будто они снова вместе, все же не испытывала желания провести ночь наедине с семимесячным ребенком. И она сказала «да».

Он пришел в девять часов вечера, только что из дома друга. От него слегка разило пивом и сигаретами, капюшон был поднят для защиты от холодного ветра, руки засунуты в карманы, а на запястье висел пакет с какой-то бутылкой.

Она придержала дверь открытой, чтобы он мог войти, и Зак наклонился к ней и быстро поцеловал ее в щеку.

– С Новым годом, – сказал он.

– Еще рано, – сказала она.

– Ной спит? – Он взглянул на лестницу.

Таллула кивнула.

– Да, уже какое-то время.

– Извини, я немного опоздал. В «Ко-Опе» не было того, что мне нужно, поэтому пришлось пойти в паб и выстоять в очереди целую вечность. Народу тьма.

Он открыл пакет и дал ей заглянуть внутрь.

Шампанское, еще холодное. Из холодильника.

Она невольно улыбнулась, ничего не смогла с собой поделаться. Она любила шампанское.

– Видел твою маму, – сказал он, следуя за ней на кухню.

– Правда?

– Похоже, она веселилась от души.

– Отлично, – сказала она, ставя шампанское в холодильник и вытаскивая две бутылки пива.

– Есть еще чипсы. – Он вытащил два пакета чипсов из тортильи и банку сальсы. – И вот это, потому что я знаю, что они твои любимые.

Он вручил ей пакет шоколадных пальчиков «Кэдбери». Она снова улыбнулась.

– Спасибо, – сказала она.

Они сели перед телевизором с пивом и чипсами. Впервые за несколько недель и месяцев она осталась с Заком наедине. Обычно он приходил днем, чтобы провести время с Ноем, когда тот не спал. Она думала, что будет чувствовать себя слегка неловко, но опасалась зря. Они с Заком знали друг друга с четырнадцати лет, когда он перешел в школу Таллулы из школы для мальчиков в соседней деревне, где над ним издевались. Она подружилась с ним, потому что он был таким милым и ей стало жаль его. А потом они начали встречаться, и все. Они были одной

из тех пар, которые воспринимаются как нечто привычное, вроде мебели, чьи отношения ни для кого не секрет, о которых не шепчутся за их спинами.

Так что, возможно, не было ничего странного в том, что в ту ночь Таллула чувствовала себя в его обществе так комфортно. Когда-то они были друзьями, возлюбленными, бывшими любовниками, а теперь стали родителями. Не было причин, почему они больше не могут быть снова друзьями. В ту ночь они разговаривали мало, давая телевизору развлекать их, смотрели в телефоны, показывали друг другу всякие забавные вещи. В какой-то момент Зак выхватил из руки Таллулы телефон и сказал:

– Хочу посмотреть твою фотогалерею, дай-ка взглянуть.

– Кыш! – засмеялась она. – Это еще зачем?

– Просто хочу посмотреть фотки Ноя, – сказал он, и она позволила ему пролистать свой телефон: фотогалерея почти на все сто процентов состояла из снимков Ноя. Но затем он добрался до рождественской вечеринки в колледже. Зак моментально замедлил темп и стал рассматривать снимки более внимательно.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он, увеличивая ее лицо на селфи, которое они с Хлоей сделали незадолго до того, как вернулись домой. – Ты накрашена.

– Точно, – сказала она. – Просто подводка для глаз. Меня накрашила мама.

– Тебе идет, – сказал он и, повернувшись, странно посмотрел на нее. – Обычно ты не красишься. А это кто? – спросил он.

Это было селфи, сделанное на рождественской дискотеке, когда они со Скарлетт танцевали под Мэрайю Кэри. Должно быть, их сфоткала Скарлетт. Камера была поднята высоко, они обе сияли улыбками от уха до уха, с сетки над головой, искрясь и переливаясь, уже начинали падать блестки.

– Это Скарлетт, девушка из колледжа.

– Ты выглядишь по-настоящему счастливой, – сказал он, пальцами увеличивая на экране их улыбки. – Мне почему-то казалось, что ты разучилась так улыбаться.

Она сухо усмехнулась. В его голосе слышался упрек, как будто, будучи счастливой, она неким образом его подвела.

– Да, – сказала она, – они крутили Мэрайю. Ты бы тоже улыбался.

– Никогда не думал, что ты любительница вечеринок, – продолжил он, и Таллула почувствовала, что начинает нервничать. Вот почему, подумала она, ей не хотелось снова с ним встречаться. Рождение ребенка изменило ее, оно изменило в ней все.

Окончание школы тоже изменило ее. Быть не замужем после трех лет в отношениях – и это изменило. Она уже не была той нежной, романтической девушкой, какой была до того, как забеременела, до того, как он бросил ее и она осталась одна расхлебывать последствия. И в глубине души она знала: эта новая Таллула Мюррей – единственная, с кем Зак хотел бы быть вместе.

– Что ж, – сказала она, – все меняется, не так ли?

– Пожалуй, – сказал он, и в его голосе прозвучала нотка сожаления.

За несколько минут до полуночи они достали из холодильника шампанское, взяли пару фужеров и вышли в сад. Соседский кот сидел на заборе, свернувшись калачиком. Пару секунд он с любопытством разглядывал их, но затем повернулся и стал смотреть на небо. Было холодно, и Таллула слегка дрожала. К тому времени они уже выпили пару бутылок пива, и когда Зак обнял ее за плечи, чтобы согреть, она не стала его отталкивать. С помощью телефонов они считали секунды до наступления полуночи. Зак вытащил пробку, и они услышали, как люди вокруг них разразились радостными возгласами. Машины гудели, с треском взрывались и взмывали в черное небо петарды, и они подняли бокалы с шампанским, пожелали друг другу счастливого нового года и обнялись. Когда они отстранились друг от друга, ей показалось, что

Зак собирается поцеловать ее, и она подумала: «Нет. Нет, я не хочу с тобой целоваться. Я не уверена, что когда-нибудь захочу снова тебя поцеловать».

– Черт, Таллула! – сказал Зак. – Хотел бы я никогда не делать того, что сделал в прошлом году. Это самое большое сожаление в моей жизни. Ты это знаешь, не так ли?

Она кивнула.

– Ты когда-нибудь простишь меня? – он взял ее руки в свои.

– Я уже простила тебя, – сказала она. – Я простила тебя сто лет назад.

– Тогда почему? – сказал он. – Почему мы не можем начать все сначала?

– Просто я... Не знаю, просто я не чувствую, что хочу отношений прямо сейчас. Мне хватает Ноя. – Она почувствовала, как он еще сильнее сжал ее пальцы.

– Но Ной, – сказал он, – он наш, мы сделали его, а значит, мы семья, мы одна команда. Дело не только в наших отношениях, не так ли? Речь идет обо всех нас троих.

– Ты все время видишь его.

– Да, – нетерпеливо вздохнул он, – я знаю, но это не то же самое, не то же самое, что быть с ним двадцать четыре часа в сутки. Как настоящая семья.

– Да, но я не об этом. Очевидно, для Ноя было бы лучше, если бы ты был здесь все время. Но я не знаю... – она умолкла, пытаясь подобрать нужные слова, – ...насколько это подходит мне.

Он рассмеялся, довольно легкомысленно.

– Лула, черт возьми, – сказал он. – Мы знаем друг друга с четырнадцати лет. Мы знаем, что подходим друг другу. Все знают, что мы подходим друг другу. Пожалуйста. Дай мне шанс.

– Но где нам с тобой жить?

– Вот здесь! – сказал он. – Мы могли бы жить здесь. У тебя большая кровать. Твоя мама меня любит. Райан меня любит. И я вот что тебе скажу, – быстро добавил он, явно чувствуя отсутствие у нее воодушевления по поводу этой идеи, – давай сделаем пробу, а? Может, я остался бы на одну ночь. Ничего такого, – заверил он ее. – Я бы спал на полу. Представь себе лицо Ноя утром, когда он просыпается и видит там папу. И я мог бы утром давать ему бутылочку, а ты бы могла поваляться подольше. Ну как? Разве это не было бы здорово?

Он улыбнулся ей и за руки притянул ее ближе к себе, так что их животы почти соприкоснулись, их лица были всего в паре дюймов друг от друга, его глаза впелись в ее глаза.

– Неужели не согласна? – снова сказал он, целуя костяшки ее пальцев и кокетливо глядя на нее с ленивой улыбкой на губах.

И в этот момент что-то внутри ее уступило, как будто внизу ее живота что-то опустилось, плюс тянущее ощущение в паху, желание, чтобы ее кто-то трогал, но только не Зак, желание быть желанной и одновременно желание, чтобы ее оставили в покое, и то и другое одновременно. И она увидела, как губы Зака приближаются к ее губам, и поймала себя на том, что тянется навстречу ему, и в следующий миг они уже целовались, и все ее опасения мгновенно улетучились, а вся ее нерешительность выкристаллизовалась в желание быть с ним, ощущать его плоть, его руки, его губы и прочее.

Миг спустя она оказалась у задней стены, и ее руки и ноги обвились вокруг него, и все закончилось менее чем за минуту, и это было то, чего ей хотелось, то, чего она так сильно желала, а потом он, все еще оставаясь внутри нее, пока ее руки и ноги все еще обнимали его, несколько раз пронес ее вокруг сада, и она улыбалась, по-настоящему улыбалась, и кровь, бурля, бежала по ее венам, а луна сияла с бархатного неба, и тогда Зак сказал:

– Я люблю тебя, Лула, я так сильно тебя люблю...

Она не ждала ни секунды, прежде чем ответить, что она тоже его любит.

Потому что тогда, в тот момент, она его любила.

– 15 –
Июнь 2017 года

Инспектор Маккой выходит из дома Ким около десяти часов утра, а примерно в одиннадцать на телефон Ким поступает звонок с незнакомого номера. Она предполагает, что это он, что это детектив, что у него для нее есть новости или какая-то новая информация. От волнения ее сердце готово выпрыгнуть из груди, адреналин бешено разливается по всему телу.

– Да.

– Привет, это Ким Нокс?

Голос явно девичий.

– Да. Это я.

– Это... э-э-э... Мими. Подруга Скарлетт. Она сказала, что вы хотели со мной поговорить, это так?

– О! – Ким выдвигает обеденный стул и опускается на него. – Мими. Спасибо. Вы можете сейчас говорить?

– Да. Конечно.

– Я просто хотела узнать, – начинает Ким, – то есть я уже говорила со Скарлетт и ее матерью. И с Лекси. И никто из них не имеет ни малейшего представления о том, что произошло в пятницу вечером. Но я подумала, вдруг вы что-то заметили. Что-то такое, чего не заметил никто, то, что могло бы объяснить, что случилось после того, как Таллула и Зак ушли. – В трубке воцаряется короткое молчание. Она слышит, как Мими вдыхает, представляет, как она затягивается сигаретой, зажатой между костяшками тощих пальцев с обгрызенными ногтями.

– Мне кажется... – начинает Мими. – Единственное, что приходит мне в голову, это то, что они могли поссориться.

Ким слегка запрокидывает голову.

– Поссориться?

– Ага. Они выглядели... как бы это выразиться?... как будто между ними что-то происходило... Как будто они выясняли отношения...

Ким поворачивается к обеденному столу и подносит телефон к другому уху.

– А конкретнее? – говорит она. – Вы не могли бы это описать?

Мими вздыхает.

– Я пошла в дом, чтобы зарядить телефон, – говорит она. – Лула и Зак, они сидели в маленькой комнатке сразу за кухней. Такое укромное местечко. Они не слышали, как я проходила мимо. Но я одним глазом заглянула в слегка приоткрытую дверь и увидела, что он крепко держит ее запястья и она пытается их вырвать, но он держал их так, будто пытался помешать ей ударить его или, быть может, пытался помешать ей уйти... Не знаю. Он явно был зол.

Ким медленно моргает. Слова Мими проникают в то место в ее голове, где уже зародились ее собственные опасения, где она задается вопросом: как Зак мог бы отреагировать на отказ? И как только это происходит, на нее накатывает приступ тошноты. «Что, если» начинает обретать форму, и возможность того, что Зак сыграл некую роль в исчезновении ее дочери, на миг лишает ее дара речи.

– Вы, случайно, не слышали, кто-нибудь из них не говорил о кольце? Или о помолвке?

На том конце линии воцаряется гробовое молчание, а затем:

– Нет. Ничего. Вообще они оба были какие-то притихшие. Честно говоря, я даже не совсем поняла, зачем они там. Мне показалось, что они сами этого не хотели. Ну, вы понимаете?

Воскресенье тянется бесконечно.

Вместо того чтобы уложить Ноя в кроватку, Ким берет его на долгую прогулку по деревне, и пока он дремлет в коляске, ее глаза скользят по каждой живой изгороди, по каждому переулку; заглядывают в щели между домами. Когда она проходит мимо Мейпол-Хауса, ее взгляд падает на заднюю часть территории, где расположено студенческое общежитие. Она тотчас вспоминает бывшего парня Скарлетт, Лиамы, единственного человека, который был там в пятницу вечером и с которым она еще не разговаривала. Но она уверена, как и сказала Лекси, что он вряд ли видел или слышал больше, чем она, поскольку он рано уехал с ней.

Миг спустя она уже возле «Лебеда и уток».

Передняя терраса забита до отказа, как и обычно в солнечный воскресный полдень: просекко на столах в ведерках со льдом, кувшины с крешоном «Пиммс», высокие стульчики, на них дети, которых матери в мягких платьях и сдвинутых на макушку солнечных очках кормят измельченной колбасой и пюре, а под столиками в тени свернулись собачки породы кокапу.

Ким катит коляску через толпу к бару, где прохладно и сумрачно. Здесь людей меньше, и она идет прямо к стойке. Она узнает молодого парня за стойкой бара, это Ник. Он безработный актер и обожает флиртовать с немолодыми мужчинами, просто чтобы посмотреть, как они краснеют.

– Привет, – говорит он, – обычно днем вас здесь не увидишь. Что вам налить? Или вы пришли перекусить?

– Спасибо, – говорит она, – ничего не надо. Я зашла не для того, чтобы поесть. Просто интересуюсь... ты был здесь в пятницу вечером?

– Вообще-то да, был. Я тут как пес на цепи.

– А Мэгс рассказывала тебе о моей дочери и ее сыне?

– Да, рассказывала. Они вернулись? Все нормально?

– Нет, – говорит она срывающимся голосом. – Нет. – Она делает глубокий вдох и берет себя в руки. – Они все еще не вернулись. Я сообщила в полицию. Думаю, в какой-то момент полицейские захотят поговорить с тобой, спросить, что ты видел.

– О боже, Ким. Это ужасно. Представляю, как вы переживаете.

– Да, – говорит она, изображая натянутую улыбку. – Я вся на нервах. Но мне просто интересно, что именно ты видел.

– Боюсь, что на самом деле не так уж и много. Сначала они сидели вон там. – Он указывает на укромный уголок в дальней части бара. – Такие милые, прям как голубки. Он купил бутылку шампанского. Они заказали блюдо с морепродуктами. Этакая влюбленная парочка. А потом была еще одна компания. Явно богатые детки из Мейпола. Шумные, развязные, ну вы знаете. И, похоже, они знали вашу дочь. И я бы сказал, они нагло вторглись в приятный романтический вечер вашей дочери. Мне даже стало жаль ее!

Ной начинает ворочаться в коляске, и Ким рассеянно покачивает его.

– Ты заметил что-нибудь странное?

– Странное? – Ник поворачивается и словно луч прожектора направляет улыбку на покупателя, появившегося рядом с Ким. Приняв заказ, он тут же снова переключается на Ким и говорит: – Я бы не сказал, что странное, нет. Много пили. И, судя по сумме кэшбеков, которую запросили эти детки из Мейпола, я заподозрил, что они ждали доставку наркотиков, но никаких доказательств тому не видел. А потом подошло время закрытия, и они все просто ушли. Вот и все. – Он печально смотрит на нее и говорит: – Господи, Ким. Я уверен, они будут дома с минуты на минуту, обязательно будут. Вы же знаете, что такое подростки.

Она идет дальше. К дому подруги Таллулы, Хлои, что на самом краю деревни. Он последний в ряду небольших коттеджей с плоскими фасадами, чьи двери выходят прямо на главную дорогу. Хлоя говорит, что нет, она уже сто лет не разговаривала с Таллулой. Зато она тоже сообщает кое-что интересное. Когда Ким упоминает, что Таллулу в последний раз видели в доме Скарлетт Жак в Апли-Фолде, Хлоя прищуривается и говорит:

– Странно.

– Почему? – спрашивает Ким.

Хлоя пожимает плечами.

– С этой Скарлетт и ее компанией что-то не так. Не знаю, но что-то там нечисто, и потом, этот вечер, в прошлом году, рождественская вечеринка в колледже, когда я сидела с Лулой и Скарлетт довольно невежливо увела ее от меня, и я не могу этого объяснить, но Лула как будто уже знала ее. Хотя и не была с ней знакома. И они какое-то время танцевали, а потом вышли на улицу минут на десять, и когда Лула вернулась, она была вся какая-то вздернутая. Я не могла понять, в чем там дело. Ведь насколько мне было известно, Скарлетт и ее компания – они на всех смотрят свысока, никогда ни с кем не разговаривают, но она первой заговорила с Лулой. Это было странно. В любом случае после этого мы с Лулой больше не общались.

Ким морщит нос.

– После той рождественской вечеринки?

– Да. Я имею в виду, мы здороваемся, если видим друг друга, но больше не тусуемся вместе.

– А в феврале? Когда ты... когда у тебя было то, что с тобой было?

Хлоя недоуменно смотрит на нее.

– У тебя была депрессия, и Таллула пришла и переночевала у тебя.

– Вы уверены, что имеете в виду меня?

– Да, еще в феврале Таллула сказала мне, что у тебя депрессия и что она должна остаться с тобой на ночь, чтобы ты не выкинула какую-нибудь глупость.

Хлоя качает головой.

– О господи, нет. Нет, такого точно никогда не было. У меня не было никакой депрессии, и она не оставалась у меня на ночь. Клянусь, в этом году мы с Лулой не перемолвились ни единым словом. Мы почти не виделись. Думаю, она солгала вам.

– 16 –
Сентябрь 2018 года

В течение выходных перед началом семестра территория школы Мейпол-Хаус медленно, но верно приходит в движение. Пустые здания оживают: повсюду царит суматоха, гул голосов и музыки, стук хлопающих дверей, мелодии телефонных звонков и урчание автомобильных моторов, смех и крики.

Софи чувствует себя странно. Не то чтобы посреди дикой глуши, как она опасалась, а скорее как будто она посреди всего этого оживления. Из сада рядом с кухней ей видно, как ученики выходят из своих общежитий и направляются завтракать в главное здание. Некоторые из них совершают по территории школы утренние пробежки. Она начинает узнавать некоторые лица, некоторые стайки друзей и даже на расстоянии – по той уверенности, с какой они шагают по территории школы, – может сказать, кто новичок, а кто старожил.

Вечером в воскресенье перед официальным началом семестра проводится так называемый Ужин Регистрационного Дня. День регистрации – самый загруженный день в преддверии нового семестра, когда большинство учащихся приезжают из дома, заселяются в общежитие и записываются на занятия. Большая часть всего этого делается онлайн, еще до того, как учащиеся ступят на территорию кампуса, но это старая традиция, и для учеников это хороший способ увидеть своих одноклассников, прежде чем они разойдутся по классам.

А еще есть ужин, который, по словам Шона, и есть то, ради чего все затеяно. Когда-то все чинно садились за стол, но поскольку десять лет назад был построен новый жилой корпус, что увеличило число учащихся вдвое, ужин превратился в вечеринку с фуршетом и диджеем.

Софи почему-то хочется выглядеть на этой вечеринке сногшибательно. Не просто мило и нарядно, а так, чтобы сразить всех наповал, чтобы все учащиеся потом перешептывались за ее спиной, чтобы они говорили: «Вот это да, подружка мистера Грея и вправду хороша, не так ли?»

По какой-то причине она хочет получить одобрение тех симпатичных парней, которых она видела, когда те бегали трусцой по территории школы. Нет, не подростков, а девятнадцатилетних парней, почти мужчин с их летним загаром, густыми волосами и самодовольным видом.

Она надевает черную атласную блузку с кружевной отделкой спереди и кружевной вставкой на спине. Она хорошо сочетается с узкими черными брючками и черными босоножками на высоком каблуке. Волосы она собирает в хвост, который свешивается ей на одно плечо. Она щедро наносит на лицо крем и макияж, от которого ее кожа должна сиять и мерцать.

Когда она выходит в коридор, Шон обводит ее оценивающим взглядом с ног до головы.

– Боже, Соф, – говорит он, – ты прекрасно выглядишь.

И она понимает: так оно и есть.

Гул голосов из главного зала просто оглушительный. В зале бочкообразный, обшитый деревом потолок, а окна расположены так высоко, что пропускают только свет и никакого вида наружу. Зато есть три пары огромных двойных дверей, выходящих на лужайку, где в лучах раннего вечернего солнца установлен навес, расставлены столы и стулья. Они с Шоном под руку идут по лужайке, улыбаясь и останавливаясь, чтобы поздороваться. Они находят пустой столик. Шон оставляет Софи сидеть, а сам уходит, чтобы принести напитки.

Пока она ждет его возвращения, ее взгляд скользит по присутствующим, к группке прекрасных юных существ, что льнут друг к другу, образуя крошечные островки, непроницаемые, слегка пугающие и вместе с тем жалкие – этакие шикарные невежды-всезнайки. Сияет не только их молодость, размышляет она, наблюдая за ними, но и их происхождение, их врожденные привилегии, то, как они трогают свои волосы, как держат свои напитки, как беспечно обращаются со своими телефонами. Они происходят из мест, которые не похожи на те места,

откуда родом большинство людей. От них исходит глянцевый лоск денег, который просвечивает даже сквозь самую неряшливую внешность.

Софи родом из мира таунхаусов, машин, которые ездят, пока не развалятся, государственных школ, еженедельных походов в магазин «Теско» и тарелок с печеньем в квартире бабушки по субботам. Ей всего хватало: у них всегда был полный холодильник, они отдыхали за границей, ходили по магазинам на Оксфорд-стрит, в пятницу вечером покупали еду навынос в местном ресторанчике; так что ей грех было жаловаться. Ее жизнь была прекрасна. Но эта жизнь была матовой, а не глянцевой.

Она думает о «Темном месте», о семействе Жак, о бассейне, который когда-то наверняка сиял на летнем солнце ледяной синевой, о скульптурах, некогда стоявших на плексигласовых постаментах, о музыке, что когда-то доносилась из-за двойных дверей и летела через ухоженные лужайки. Она представляет себе особый смех людей, владельцев многочисленных автомобилей, лошадей и шале в Альпах. По словам Керрианны Маллиган, их дочь Скарлетт когда-то здесь училась.

Шон появляется вновь с двумя бокалами вина и садится рядом с Софи.

– Извини, что я так долго, – говорит он. – Меня задержали.

– Давай выпьем, – говорит она, – а потом сможем пообщаться.

– А мы точно должны? – спрашивает он, прижимаясь лбом к ее обнаженному плечу.

Она взъерошивает волосы на его затылке и смеется.

– Думаю, да, должны. По сути, ты здесь король. Ты должен общаться со своими подданными.

– Я знаю. – Он поднимает голову и кладет руку ей на колено. – Знаю.

Они пьют вино, и через минуту или две к их столику подсаживается пара, Флер и Робин, соответственно учитель географии и фотографии. Они живут в коттедже недалеко от деревни, у них есть бордер-терьер по кличке Оскар и кролик по кличке Бафта, и они оба жутко разговорчивые. Где-то в середине разговора к ним присоединяется мужчина средних лет по имени Трой, с великолепной бородой. Он преподаватель философии и теологии, живет на кампусе и грузит их рекомендациями по поводу местных деликатесов, винных магазинов и мясных лавок.

Кто-то уводит Шона прочь, и на какое-то время Софи остается наедине с Троем, но это нормально. С ним очень легко разговаривать, а затем к ним присоединяются кто-то с французским акцентом и кто-то с испанским акцентом, и вскоре их стол полон людей, чьи имена она едва успевает запомнить, не говоря уже об их должностях или роли в школе. Затем она замечает молодого человека. Он стоит на периферии группы, собравшейся вокруг ее столика. В одной руке у него бутылка пива, другую он держит в кармане темно-синих шортов. У него каштановые волосы, короткие и волнистые; сам он в белой рубашке с закатанными чуть выше локтей рукавами. На ногах белые кроссовки без носков. У него красивое телосложение. Он слегка смахивает на кинозвезду, ну, на того актера по имени Крис, Софи никак не может запомнить его фамилию.

Он разговаривает с женщиной старше себя. Софи видно, что он не очень хорошо ее знает, но старается быть обаятельным и вежливым. Она видит, как он слегка поворачивает голову в ее сторону, как будто чувствует на себе ее взгляд, и она спешит отвести глаза. Когда же она смотрит на него снова, она видит, что женщина повернулась, чтобы поговорить с кем-то еще, и он пока стоит один. Он подносит пивную бутылку к губам и делает задумчивый глоток. Заметив, что она смотрит на него, он улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.